

Вл. ПЕТРОВ

Как делается внешняя политика сша

М

СЕРИЯ VII

1966

Международная

2

Вл. ПЕТРОВ,
кандидат юридических наук

**КАК
ДЕЛАЕТСЯ
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
США**

**Издательство
«Знание»
Москва
1966**

Содержание

	<i>Стр.</i>
Незримый повелитель . . .	4
Одна из «шляп» президента	10
«Туманное дно» . . .	21
«Те люди»	30
В долине призраков	40

Владимир Федорович ПЕТРОВ

Редактор Л. Е. Погодин
Худож. редактор Е. Е. Соколов
Техн. редактор Л. А. Дороднова
Корректор А. А. Пузакова
Художник К. Пчельников

Сдано в набор 26.X 1965 г. Подп. к печати 10.XII 1965 г.
Изд. № 9. Формат бум. 60×90^{1/16}. Бум. л. 1,5. Печ. л. 3,0.
Уч.-изд. л. 3,12. А 14708. Цена 9 коп. Тираж 68 800. Зак. 3698.
Опубликовано тем. план 1966 г. № 181.

Издательство «Знание». Москва, Центр, Новая пл., 3/4.
Типография изд-ва «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

«Как делается внешняя политика США?», «Формирование и проведение в жизнь внешнеполитического курса США», «Организация внешних сношений США» — брошюры и памфлеты с такими или подобными названиями буквально наводняют в последнее время книжный рынок Соединенных Штатов, их усиленно распространяют в других странах многочисленные коммивояжеры американского образа жизни.

Поток такого рода пропагандистской литературы непрерывно увеличивается по мере нарастания агрессивности и авантюризма во внешней политике США. Достаточно ознакомиться с некоторыми из этих описаний, чтобы убедиться в их вполне определенном политическом назначении — придать видимость «общенационального», «всемирного» характера империалистической внешней политике США, всячески завуалировав ее подлинные движущие силы и пружины. При этом авторы подобных книг не гнушаются прямой подтасовкой и сознательным искажением подлинных фактов, определяющих внешнюю политику страны.

Формирование и проведение в жизнь внешней политики США, как, впрочем, и всякой другой страны, — сложный и многосторонний процесс, требующий учета многочисленных обстоятельств. Особенность этого процесса состоит в том, что он происходит под воздействием двух факторов — внутреннего (социально-экономический строй государства, цели и задачи господствующего класса, внутренняя политика правительства) и внешнего (постоянное усиление мировой социалистической системы, сдвиги, связанные с распадом колониальной системы, характер внешних связей данной страны, в первую очередь участие в различного рода союзах и т. д.) при главенствующем значении внутреннего фактора. В данной брошюре в общих чертах рассматриваются вопросы о том, как делается внешняя политика Соединенных Штатов Америки, какова структура их внешнеполитического механизма.

НЕЗРИМЫЙ ПОВЕЛИТЕЛЬ

Внешняя политика есть отражение внутренней политики государства, которая определяется в конечном счете его общественно-экономическим устройством.

Соединенные Штаты Америки — страна с чрезвычайно высокой концентрацией производства. Основные средства производства сконцентрированы в руках магнатов финансового капитала. Командные посты в экономике занимают 25 крупнейших корпораций («Дженерал моторс», «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Форд моторс», «Дженерал электрик», «Юнайтед стейтс стил», «Дюпон де Немур», «Крайслер», «Дженерал дайнэмикс» и другие). Крупные корпорации объединены в несколько территориальных финансово-олигархических групп.

Между различными группировками монополий идет острая конкурентная борьба. Эта борьба, достигшая особенной остроты в последние годы, носит политический характер. Она не ограничивается сферой экономики, бизнеса. Американские монополии ожесточенно соперничают между собой за контроль над рычагами государственного управления, над определением его внутренней и внешней политики.

Государство рассматривается финансово-промышленной олигархией США как важное орудие защиты монополистических интересов внутри страны и за границей. «Хотим мы этого или нет, — заявляет А. Грей, вице-президент крупнейшей нефтяной компании «Галф», — «Галф», как и все другие американские корпорации, связана с политикой, и мы должны либо начать плавать, либо утонуть».

«Я занимаюсь политикой для того, чтобы быть уверенным в успехе моего бизнеса», — поясняет президент крупной корпорации «Белл энд Хауэлл» Ч. Перси.

Особым вниманием монополий пользуется внешнеполитическая сфера деятельности государства, поскольку она имеет отношение к источникам обогащения монополий за счет других стран. Государство представляет собой мощное оружие в борьбе монополистических союзов за рынки сбыта, источники сырья и сферы приложения капитала. Внешнеполитические органы США не только защищают интересы монополий за границей, но и служат источником заказов для монополий и орудием для выкачивания высоких прибылей.

Господство монополий в сфере внешнеполитической деятельности государства характеризуется захватом важнейших государственных постов, связанных с формулированием и осуществлением внешней политики, руководящей ролью в комплектовании дипломатических органов, в выработке общих по-

литических программ и платформ, предназначенных для проведения их в жизнь государственными органами. Происходит сближение, сращивание монополий и государственного аппарата США, и, в частности, той его части, которая связана с внешнеполитической деятельностью.

Сращивание монополий и внешнеполитического механизма осуществляется в широких масштабах на началах личной унии. Пост президента, места в обеих палатах конгресса, все важнейшие правительственные посты фактически забронированы для финансово-промышленной олигархии и ее политических агентов. По мере повышения роли государства как орудия получения монопольно высокой прибыли усиливается тяга монополистов к проникновению в государственный аппарат. Отсутствие в США четкого разграничения между постами, предназначенными для представителей партии большинства и профессиональных чиновников, в значительной мере облегчает занятие крупными капиталистами наиболее важных в данный момент постов в правительственных учреждениях. Госдепартамент США и другие внешнеполитические учреждения после очередных президентских выборов служат одним из важнейших предметов торга между монополиями. Их персональное представительство в аппарате внешних сношений не остается неизменным: оно меняется в соответствии с изменениями в соотношении сил между монополистическими группировками. В госдепартаменте, например, в 1952 году влияние Морганов уступило место влиянию Рокфеллеров. В Пентагоне и ЦРУ в последнее время укрепились позиции неомиллионеров Юго-Запада и Юга. Такие перестановки, естественно, не колеблют господства монополистического капитала над государственным механизмом внешней политики США.

Личная уния монополий и государства проявляется также в широком вовлечении руководителей американской внешней политики и дипломатии в аппарат монополистических объединений. Она сама по себе уже гарантирует приспособление внешней политики к нуждам монополий. Личная уния дает возможность монополистам непосредственно участвовать в формировании и осуществлении внешней политики, выступая в качестве инициаторов определенных мер, направлять деятельность государственных органов по удобному себе руслу.

Однако монополисты и их ставленники в государственном аппарате представляют отдельные монополистические объединения и группировки. Общая платформа монополистической буржуазии по важнейшим вопросам современности выражается политическими партиями и предпринимательскими союзами. Это — важные рупоры, к голосам которых прислушиваются руководители учреждений, отвечающих за определение и проведение внешнеполитического курса США.

Обе политические партии США — демократическая и рес-

публиканская, попеременно сменяющие друг друга у руля государственного управления, служат выразителями интересов монополистического капитала и используются прежде всего для выдвижения и проталкивания кандидатов на государственные посты.

Избирательная кампания 1964 года показала, что в США имеется определенная тенденция к поляризации политических сил и сплочению их вокруг различных партийных платформ. Внешнеполитические декларации демократов и республиканцев в ряде важных пунктов существенно отличались одна от другой. Программа республиканцев, выдвинутая их кандидатом в президенты Б. Голдуотером, носила явно выраженный авантюристический и шантажистский характер и являлась отражением наиболее агрессивных настроений финансовой олигархии. В отличие от республиканцев программа демократов, несмотря на всю свою непоследовательность и половинчатость, содержала элементы трезвого подхода к ряду важных международных проблем, что в значительной мере содействовало победе демократов на выборах.

С победой демократов на выборах процесс поляризации сил между двумя партиями приостановился. Правящие круги США решили пока сохранить американскую двухпартийную систему в первоначальном виде. Нельзя, однако, недооценивать намерений Б. Голдуотера и его сторонников, сохраняющих важные позиции в республиканской партии, осуществить перестановку сил внутри двухпартийной системы, создав на месте ныне существующих партий две новые партии — либеральную и консервативную. Имеется в виду, что эти партии будут иметь различные политические платформы и что произойдет размежевание сил, представленных ныне в обеих партиях. Вокруг одной из новых партий — либеральной — объединятся все «умеренные» силы, а вокруг другой — консервативной — правые.

Особенности американской двухпартийной системы (назначение партии как механизма для проведения кандидатов на государственные посты, отсутствие четко выраженных партийных платформ; слабость внутренней организации и дисциплины в партии) обуславливают особую роль монополистических объединений в оказании влияния на государственные органы.

Монополистическая буржуазия США располагает широкой сетью влиятельных организаций, построенных как по отраслевому, так и по территориальному признаку и объединенных двумя общенациональными руководящими центрами. Такая структура обеспечивает для промышленников и финансистов соответствующее представительство их интересов в этих организациях и позволяет им диктовать политику законодательным и исполнительным органам государства.

Центральным звеном предпринимательских организаций является **Национальная ассоциация промышленников (НАП)**, насчитывающая 21 801 члена, в том числе самые крупные промышленные фирмы и корпорации (за исключением Форда), производящие свыше 75 процентов всей промышленной продукции США. Монополисты превратили НАП в свой главный штаб. Национальная ассоциация промышленников характеризовалась в американской печати как организация «консервативная, интерпретирующая свои интересы крайне узко, а интересы государства — с точки зрения своих собственных», как «наиболее воинственная в за-

шите своих позиций и наиболее агрессивная в своей тактике». В структуре НАП выделены специальные комитеты, вырабатывающие позиции большого бизнеса по основным внешнеполитическим вопросам.

НАП — весьма влиятельная политическая сила в стране. Государственные деятели США часто консультируются с руководством ассоциации. На ее съездах обычно присутствуют члены правительства.

Другой ведущей предпринимательской организацией в стране является **Американская торговая палата (АТП)**, которая объединяет 25 400 местных торговых организаций, промышленных корпораций и отдельных предпринимателей. Торговая палата тесно связана с Национальной ассоциацией промышленников. Многие члены НАП одновременно состоят ее членами. Своими функциями АТП дополняет НАП. Американская торговая палата и ее местные отделения часто выполняют посредническую роль во взаимоотношениях отдельных предпринимателей и их организаций с государственными органами власти.

К числу влиятельных организаций «большого бизнеса» относится и **Комитет экономического развития**, членами которого также являются крупнейшие монополии. Этот Комитет не только изучает проблемы экономики США, распространяет экономическую информацию и издает многочисленные публикации для деловых, правительственных кругов и учебных заведений, но и служит важным рычагом влияния монополистического капитала на правительство. Он регулярно представляет правительству «неофициальные рекомендации» по вопросам экономики и внешнеэкономической политики. Его материалами пользуются правительственные органы, в частности совет экономических экспертов Белого Дома.

В постоянном контакте с правительственными органами, определяющими внешнюю политику США, находятся также **отраслевые торгово-промышленные ассоциации**, выражающие интересы монополий определенных отраслей промышленности. К организациям общенационального масштаба относятся такие, как Американский нефтяной институт, Национальная ассоциация угольной промышленности, Американский институт железа и стали, Национальная ассоциация электропромышленников, Ассоциация электронной промышленности. Весьма влиятельны крупные объединения военных фирм: Ассоциации авиационной, ракетной и оборонной промышленности. Последняя связана со многими видами военной промышленности, особенно с судостроительной. Наряду с организациями промышленников активно действует Американская ассоциация банкиров, объединяющая 17 417 банкиров, страховых компаний и частных лиц.

«Отраслевые предпринимательские объединения, — пишут американские экономисты Р. Ленхарт и К. Шриффтиссер, — являются одним из главных средств, с помощью которых руководители бизнеса доводят свою политику до сведения правительства». Их политика, как указывают упомянутые авторы, «часто бывает чрезвычайно пристрастной в отношении интересов той отрасли промышленности, которая ее выработала».

Выступая в роли инициаторов важнейших политических мероприятий, предпринимательские организации занимают, как правило, крайне реакционную позицию. На своих съездах они поддерживают мероприятия, направленные на обострение международной обстановки, и являются вдохновителями многих из них. Предпринимательские организации резко враждебно относятся к социалистическим странам. Главное место в повестке дня НАП, например, неоднократно занимал план американской стратегии — стратегии усиления гонки вооружений и дальнейшего разжигания «холодной войны». Обсуждение этого вопроса обычно сопровождается рассказами о «тотальной угрозе международного коммунизма», о «вызове международного коммунизма западной цивилизации», призывами к «усилению экономической войны против социалистического мира» и т. п.

На последних съездах НАП, АПІ и других предпринимательских организаций стали звучать новые нотки. Определенная часть монополистической буржуазии выступает за пересмотр догматов «холодной войны», за приспособление к новым историческим условиям.

Помимо предпринимательских организаций монополии широко используют для разработки своих позиций по внешнеполитическим вопросам существующие за их счет **фонды и институты**, которых насчитывается сейчас в общей сложности около 7 300. В одном только 1964 году «пожертвования» в фонды, делающиеся главным образом монополиями, составили рекордную цифру в 10 миллиардов долларов.

«Действия фондов, — пишет американский профессор Р. Уормсер, — нигде не имели большего влияния, чем в области внешней политики. Они подчинили себе общественное мнение и в значительной степени определили внешнеполитические задачи нашей страны. Влияние всей системы фондов, занимающихся международными вопросами, широко распространилось на правительство, на те круги конгресса, которые делают политику, и на государственный департамент».

Особенно влиятельны во внешнеполитической сфере фонды братьев Рокфеллеров, Форда, «Карнеги эндаумент фор интернэшнл пис», тесно связанного со Стальным трестом, и другие. Основной упор делается ими на финансирование внешнеполитических организаций, учебных заведений и научно-исследовательских центров, подготовку различных рекомендаций, проектов и программ, что предполагает прямые и открытые указания монополий правительству. Показательны в этом отношении три доклада, опубликованные специальной исследовательской организацией фонда братьев Рокфеллеров в январе, апреле и июне 1958 года. В них с предельной четкостью была изложена программа американского финансового капитала. Создание атмосферы военного психоза, сколачивание агрессивных военных блоков, продолжение гонки вооружений, несущей баснословные прибыли монополиям, новый рост военных расходов — таков смысл рекомендаций этих докладов, относящихся к внешней политике США. Рекомендации докладов, как отмечалось в американской прессе, серьезно изучались в Белом Доме и в конгрессе.

Таким образом, широкая разветвленная сеть многочисленных предпринимательских союзов и фондов позволяет монополиям регулярно доводить до сведения правительства свои позиции по важнейшим вопросам международных отношений, добиваться облечения их в форму правительственных решений.

Одним из важных средств давления «большого бизнеса» на государственный аппарат внешних сношений являются представительства или агентура его организаций в Вашингтоне — так называемые «лоббисты» (от английского слова *lobby* — кулуары). Лоббисты используются прежде всего для получения заинтересованными монополиями выгодных правительственных заказов, для участия в расходовании государственных средств и т. д.

Лоббисты приобретают в США настолько серьезное влияние, что их без основания называют «третьей палатой» конгресса. По словам председателя сенатской комиссии по иностранным делам Фулбрайта, расследования, проводившиеся в течение трех лет этой комиссией, показали,

что лоббисты, прибегая к едва замаскированному подкупу конгрессменов, неоднократно оказывали существенное влияние на принятие конгрессом решений и законов по вопросам внешней политики США в выгодном для своих клиентов направлении.

Лоббистами чаще всего назначаются бывшие члены конгресса и видные адвокаты. Их обязанность — воздействие на органы власти, чтобы добиться решений, удобных данной организации. Лоббисты «обрабатывают» нужных лиц на неформальных завтраках и обедах, устраиваемых за счет лобби. В арсенале их приемов и методов — взятки в прямой или косвенной форме, шантаж, угрозы. Предпринимательские организации неоднократно обвинялись в даче взяток лицам, занимающим ответственные государственные посты.

Финансово-промышленная олигархия США все более активно вторгается во внешнеполитическую деятельность государства. Недавно Рокфеллеры с помощью правительства выдвинули идею создания «корпуса бизнесменов», который так же, как и небезызвестный «корпус мира», должен действовать в развивающихся странах. В госдепартаменте образован оргкомитет корпуса во главе с Дэвидом Рокфеллером. Вряд ли могут быть какие-либо сомнения в том, что этот новый корпус будет использован в целях дальнейшего соединения силы монополий с силой государства для еще более эффективного отстаивания интересов большого бизнеса в молодых государствах.

Монополии располагают, таким образом, разветвленной и довольно гибкой системой, с помощью которой они формируют свои узкоклассовые интересы по важнейшим вопросам внешней политики и доводят их до сведения соответствующих правительственных учреждений. Главное, разумеется, состоит в том, что монополии выступают не просто участниками в определении внешней политики американского империалистического государства, а незримыми руководителями этой политики. Они определяют основное содержание внешней политики США, неизменно используя ее в интересах своего обогащения, подавления рабочего и национально-освободительного движения, спасения капиталистического строя.

Единство американских монополий в отношении принципиальных основ внешней политики США не снимает, однако, разногласий между различными монополистическими группировками и даже между отдельными элементами внутри этих группировок по вопросу о выборе средств и методов для отстаивания общих интересов монополистической буржуазии. Эти разногласия, как показывают, например, последние съезды НАП и АТП, все больше обостряются по мере изменения соотношения сил на мировой арене.

При анализе влияния монополий на внешнюю политику США нельзя не учитывать и того обстоятельства, что они выражают интересы всего лишь немногочисленной, хотя и наиболее могущественной, фракции американской буржуазии. Другие слои господствующего класса США, а главное рабо-

чий класс, фермерство, мелкая буржуазия и интеллигенция, составляющие подавляющее большинство населения страны, не остаются равнодушными к формированию и осуществлению внешней политики государства.

Вопросы внешней политики занимают видное место в деятельности многочисленных организаций — так называемых «групп давления», которые представляют узкие интересы различных группировок в рамках определенного класса и ставят своей целью проведение через органы государства конкретных актов, соответствующих их интересам. В числе таких «групп давления» — профсоюзы (АФТ—КПП); фермерские организации (Федерация американских фермерских организаций, Национальная ассоциация фермеров); женские организации (Лига женщин-избирательниц, национальная женская федерация, клуб женщин-служащих); религиозные организации (Федеральный Совет христианских церквей); этнические общества (ирландские, немецкие, итальянские и другие).

Совершенно очевидно, что влияние этих групп на внешнюю политику не идет ни в какое сравнение с влиянием монополий на правительство. Безосновательными выглядят попытки апологетов американского империализма поставить знак равенства между ролью предпринимательских монополистических союзов и вышеназванных «групп давления» в формировании внешней политики США, выдав это за «образец демократии», «главную политическую особенность» США. Влияние монополий объясняется прежде всего их финансовой мощью. Располагающие наиболее мощными финансовыми возможностями группы, представляющие крупнейшие монополии, играют доминирующую роль в формировании государственной политики.

Вместе с тем было бы ошибкой при характеристике ведущей роли монополий в определении и проведении внешней политики США полностью сбрасывать со счетов деятельность различных организаций других фракций самой буржуазии и прежде всего широких слоев народных масс. Ненавидя войну и страстно желая мира, народные массы США, несмотря на постоянное воздействие империалистической пропаганды, все решительнее начинают выступать против агрессивных поползновений монополий — незримых повелителей внешней политики США и оказывают известное сдерживающее влияние на империалистические действия правительства.

ОДНА ИЗ «ШЛЯП» ПРЕЗИДЕНТА

Возникает вопрос, каким образом претворяются в жизнь идеи и замыслы незримых повелителей внешней политики, как определяется курс, приемлемый для всего господствующего

класса США и, прежде всего, для его монополистической верхушки?

Внешняя политика США вырабатывается с помощью специальной системы государственных органов, предназначенных для ведения иностранных дел.

Сращивание американского государства с монополиями, означающее взаимное влияние и воздействие, отнюдь не лишает государство его **относительной самостоятельности и активной роли при проведении и осуществлении внешней политики**, генеральная линия которой определяется монополиями. При определении внешней политики государство взвешивает и оценивает с общей классовой точки зрения интересы не только монополистических группировок и их отдельных представителей, но и других слоев американского населения; оно учитывает также международные факторы. Как политическая организация монополистического капитала государство набирает такую силу, что оказывается в состоянии само влиять на отдельные монополистические группировки, в отдельных случаях даже действовать против воли монополий, защищая их общие, но не всегда полностью осознанные интересы.

Значительное усиление роли государства, связанное с переходом к государственно-монополистическому капитализму, привело к сосредоточению всей полноты власти по управлению внешними и внутренними делами в руках одного лица — **президента**. В президентской власти монополисты нашли удобную форму соединения функций исполнительной и законодательной власти при формальном сохранении принципа разделения властей.

На посту президента США неизменно находятся ставленники монополистической буржуазии — ее прямые представители или доверенные лица. В связях с финансово-промышленной олигархией президенты США черпают силы и возможности для осуществления своих функций. Показательна в этом отношении тактика президентов Д. Кеннеди и Л. Джонсона при принятии ими государственных решений. Д. Кеннеди, который принадлежал к одному из самых богатых семейств страны (состояние его отца оценивается разными источниками в 200—600 миллионов долларов) и занимал своеобразное автономное положение в стане финансовой олигархии, проводил общие классовые интересы монополистической буржуазии в соответствии со своим пониманием этих интересов, нередко независимо от мнения отдельных ее представителей. Л. Джонсон, который в отличие от Д. Кеннеди обладает гораздо меньшим состоянием (оно, по разным источникам, оценивается от 3,5 до 14 миллионов долларов), но имеет более близкие связи с большим бизнесом и военными кругами, в значительно большей степени ориентируется на интересы различных кругов монополистической буржуазии и в первую очередь тех из них,

которые связаны с военно-промышленным бизнесом. Показательно, что Джонсон предпочитает достичь предварительного соглашения с ведущими монополистами или по крайней мере заранее заручиться их благожелательным отношением, прежде чем принять важные государственные решения.

Тесно связанный с монополиями, президент США в нынешних условиях обладает огромной административной и военно-полицейской властью, располагающей почти 100-миллиардным бюджетом и 7 процентами всей рабочей силы государства, и представляет серьезную силу для проведения через конгресс нужных мероприятий в виде законодательных программ.

Обязанности президента как главы государства и главы правительства многообразны, или, как говорят американцы, президент имеет пять «шляп» (глава государства, главный дипломат, главнокомандующий вооруженными силами, главный законодатель и глава исполнительной власти). Как глава государства и законодательной власти президент представляет страну на международной арене и отвечает за формирование внешней политики. Как глава исполнительной власти он осуществляет практическое руководство внешнеполитической деятельностью правительства.

Полномочия президента в области внешних сношений исключительно велики. Они определены конституцией США, принятой в 1784 году, а также в ряде законодательных актов конгресса.

Конституция страны, построенная на буржуазном принципе разделении властей и системе сдержек и противовесов, с одной стороны, наделяет президента широкими полномочиями, а с другой — ставит осуществление этих полномочий в определенную зависимость от законодательных органов конгресса. Однако такое разделение ответственности в сфере внешних сношений по большей части носит формальный характер и фактически сводится на нет многочисленными прецедентами, установившимися в практической деятельности президента как «главного дипломата».

Конституция США (раздел 2, статья II) устанавливает, что президент имеет право «с совета и согласия Сената заключать международные договоры при условии их одобрения двумя третями присутствующих сенаторов».

В период домонополистического капитализма, когда воля всей буржуазии, выраженная конгрессом, определяла направление государственной деятельности, президенту в определенной степени приходилось разделять свою компетенцию в отношении заключения международных договоров с Сенатом (Палата представителей этого права лишена).

По мере установления господства в стране монополистической буржуазии, заинтересованной в сильной единоличной власти для проведения своих интересов, значительно расши-

рялись возможности президента для независимого от Сената решения вопроса о заключении международных договоров.

Будучи главой всего внешнеполитического аппарата, президент непосредственно сам или через своих представителей вступает в международные переговоры, которые по его инициативе могут завершиться парафированием международного договора (т. е. скреплением его инициалами участников переговоров). Парафирование договора полномочными представителями государства уже само по себе накладывает, как отмечают американские юристы, «моральное обязательство» на Сенат обеспечить вступление такого договора в силу.

Более того, на основании толкований конституции США президент получил право заключать так называемые «исполнительные соглашения», которые не обсуждаются и не требуют санкции Сената на ратификацию. Заключение такого рода соглашений, подменяющих в ряде случаев международные договоры, значительно возросло за последнее время и преобладает в международной договорно-правовой практике Соединенных Штатов Америки. С 1789 по 1954 год президентами США было заключено 1000 международных договоров и более 2600 исполнительных соглашений, причем если в 1935 году было заключено 25 международных договоров и 10 исполнительных соглашений, то в 1954 — 7 международных договоров и 169 исполнительных соглашений.

Заключение исполнительных соглашений приняло настолько широкие масштабы, что даже вызывает опасения со стороны правящих кругов. В 50-е годы была предпринята попытка провести через конгресс так называемую «поправку Брикера» к конституции, в значительной степени ограничивающую права президента в этой области.

Согласно конституции США (раздел 2, статья II), президент имеет право «с совета и согласия Сената назначать послов и иных полномочных представителей и консулов». «Совет и согласие Сената» и в данном случае в значительной мере являются чистой формальностью. Как показывает практика, Сенат обычно не выдвигает каких-либо возражений против кандидатур, предлагаемых президентом для выполнения ответственных дипломатических и иных миссий за рубежом. Роль Сената сводится к санкционированию подобных назначений.

Конституция (раздел 3, статья II) наделяет, наконец, президента полномочием принимать и обмениваться послами и иными полномочными представителями с иностранными государствами. В этой статье вообще отсутствует какое-либо упоминание о Сенате, хотя ее практическое применение имеет большое политическое значение. В соответствии с этой статьей президент пользуется исключительным правом в отношении как юридического, так и фактического признания новых государств и правительств. На усмотрение президента передается также решение вопроса о разрыве дипломатических или иных межгосударственных отношений.

Хотя конституция формально наделяет конгресс правом объявления войны, фактически это право также принадлежит президенту в силу того, что он является верховным главнокомандующим вооруженными силами США и имеет инициативу в отношении военных действий.

История США знает немало случаев, когда президенты без ведома конгресса ввергали страну в войну. В 1845 году президент Полк без санкции конгресса начал войну с Мексикой. В 1898 году Маккинли развязал империалистическую войну против Испании. Вудро Вильсон без согласия конгресса послал войска для интервенции против Советской России. В июне 1950 года президент Трумэн также помимо конгресса начал агрессивную войну против Корейской Народно-Демократической Республики. В 1962 году президент Кеннеди установил морскую блокаду вокруг Кубы, чреватую серьезными международными последствиями. Конгресс был поставлен в известность пост-фактум о вступлении США в обе мировые войны. Американские президенты десятки раз посылали войска в латиноамериканские республики помимо конгресса.

Роль и значение президента в формировании и осуществлении внешней политики США тем более велики, что он имеет в своем распоряжении значительные средства для оказания нажима на конгресс и серьезного воздействия на всю его законодательную деятельность, касающуюся, в частности, внешних сношений.

Президенту принадлежит право вето на законопроекты, прошедшие обе палаты конгресса. Это право может быть использовано им, в частности, как ответная мера в случае отказа конгресса поддержать его в каких-либо мероприятиях. Преодоление президентского вето фактически исключено, поскольку для этого требуется повторное одобрение опротестованного законопроекта двумя третями голосов, что чрезвычайно сложно.

Сильным орудием воздействия на конгресс являются президентские послания (о положении в стране, о бюджете, о состоянии экономики), которые представляют собой по существу программу законодательной деятельности конгресса. Рекомендуемые в этих посланиях мероприятия как гражданского, так и военного характера имеют непосредственное отношение к проведению определенного внешнеполитического курса.

Отдельные послания целиком посвящались вопросам внешней политики. Так, в марте 1947 года президент Трумэн изложил в послании конгрессу свою пресловутую доктрину, окрещенную впоследствии его именем. В начале 1957 года также в виде послания была изложена «доктрина Эйзенхауэра», представляющая собой программу вторжения американского монополистического капитала в страны Ближнего и Среднего Востока.

Одобрение конгрессом президентских посланий, с одной стороны, обеспечивает свободу действий для президента, а с другой — лишает конгресс возможности оказывать влияние на политику президента.

В момент обострения обстановки в районе Тонкинского залива в августе 1964 года, вызванного агрессивными действиями США против ДРВ, президент Л. Джонсон в послании конгрессу запросил у него полномочия, позволяющие применять вооруженные силы в Индокитае. В условиях сложной международной обстановки, несмотря на серьезность этого шага и на сомнения многих членов конгресса относительно формулы, что Вьетнам «жизненно необходим» для Соединенных Штатов и для «мира во всем мире», конгресс, как пишет видный американский обозреватель Дж. Рестон, пришлось протемпелевать угодную президенту резолюцию, чтобы не создать видности, что он не поддержал президента в момент кризиса. В результате конгресс в период развязывания американских агрессивных действий против ДРВ был лишен возможности оказать какое-либо влияние на политику правительства, ставившую под угрозу международный мир и безопасность. Правительство же использовало резолюцию конгресса как оправдание для своего агрессивного курса.

Президент располагает, таким образом, значительными возможностями для того, чтобы определять основные направления и проводить внешнеполитический курс в соответствии с интересами господствующего класса.

Однако полностью сбрасывать со счетов роль конгресса в области внешних сношений нельзя. Специфические особенности политического устройства США (отсутствие четко организованных политических партий, как выразителей интересов различных слоев буржуазии, изоляция конгресса от трудящихся) обуславливали превращение конгресса в своего рода рупор различных фракций господствующего класса, к голосу которого приходится прислушиваться правящей монополистической верхушке и ее представителям в правительстве. Значение этого рупора велико, поскольку представители различных фракций буржуазии нередко заключают между собой в конгрессе сделки и совместно предъявляют определенные требования президенту. Конгресс может послужить, следовательно, известным сдерживающим механизмом против проведения президентом акций, которые в недостаточной степени учитывают интересы всего господствующего класса.

Конгресс располагает целым рядом средств, которые в состоянии если не отменить, то, по крайней мере, затруднить осуществление принятых президентом решений. Наиболее значительную роль играет в этом отношении Сенат — верхняя палата конгресса, создатели которого мыслили его как противовес более демократичной по составу Палате представителей и как своего рода административный совет при президенте. В резервном фонде Сената по-прежнему находится право вето в отношении ратификации международных договоров или, по крайней мере, внесение таких поправок, которые существенно изменяют характер договора. Сенат может воспрепятствовать назначению неугодных ему лиц на высшие дипломатические посты. Конгресс располагает возможностью создать неблагоприятное для президента общественное мнение вокруг его внешнеполитических акций и тем самым умалить престиж президента на международной арене.

Наиболее реальными возможностями для оказания влияния на внешнюю политику страны конгресс обладает, однако, при решении вопросов о выделении ассигнований на проводимые правительством мероприятия. Роль конгресса в этих вопросах является в основном негативной — он может лишь снизить требуемые президентом ассигнования. Тем не менее уже одно это обстоятельство имеет существенное значение. Предметом самых острых дебатов неизменно является ежегодно обсуждаемый в конгрессе вопрос об ассигнованиях по так называемой программе «взаимной помощи».

Основная деятельность конгресса в области внешних сношений осуществляется не им самим, а многочисленными комиссиями, создаваемыми как Сенатом, так и Палатой пред-

ставителей. Из числа этих комиссий наиболее влиятельными являются прежде всего Комиссия Сената по иностранным делам, а также — в меньшей степени — соответствующая Комиссия Палаты представителей и комиссии каждой из палат по ассигнованиям и внешней торговле и торговле между штатами.

В силу особенностей Сената его комиссии имеют возможность в определенных случаях даже вторгаться в административную деятельность государственных учреждений. Работа госдепартамента и других внешнеполитических органов США неоднократно обследовалась конгрессом.

Исходя из необходимости признания известной роли конгресса и придания видимости «общенационального» характера внешней политики, проводимой с учетом интересов различных фракций буржуазии при решающей роли монополистов, президенту США приходится в своей практической деятельности учитывать позицию конгресса по определенным вопросам, консультироваться с ведущими конгрессменами от обеих партий, включать их в состав делегаций на международные конференции и совещания.

Положение президента в его взаимоотношениях с государственными органами, ведающими внешними сношениями, равно как и с конгрессом, определяется в конечном счете его связями с монополистическим капиталом, с партийным руководством.

Представители крупной буржуазии, как правило, использовали свое пребывание в президентском кресле для активного влияния на ход международных событий в соответствии с потребностями своего класса. Президенты Т. Рузвельт, В. Вильсон, Ф. Рузвельт и Д. Кеннеди активно участвовали в выработке стратегии и тактики внешней политики, лично вели многие дипломатические переговоры.

В ряде случаев, однако, президенты играли во внешнеполитической сфере менее активную роль. В этих условиях в значительной мере возрастала роль государственного секретаря, который обычно являлся прямым ставленником финансовой олигархии. При президенте Д. Эйзенхауэре, например, государственный секретарь Д. Ф. Даллес, видный представитель банковских кругов Уолл-стрита, пользовался, по выражению американского профессора Л. Кенига, «беспрецедентными правами» в качестве инициатора и проводника внешней политики и главного представителя США в международных делах. Выражая интересы наиболее реакционного крыла «большого бизнеса», Даллес был идейным вдохновителем пресловутой политики «балансирования на грани войны».

В прямой зависимости от участия президента во внешних делах находится роль его личного аппарата — канцелярии Белого Дома, которая является центральным звеном в **Исполни-**

тельном Бюро — консультационно-координационном органе при президенте.

Аппарат Белого Дома, состоящий из помощников и консультантов президента, обеспечивает его текущей информацией по основным международным вопросам, поддерживает связь с внешнеполитическими правительственными и иными учреждениями. В силу своей близости к президенту руководящие сотрудники Белого Дома имеют возможность влиять на принятие президентом решений. В ряде случаев специальные помощники являлись ближайшими советниками президента по международным вопросам (полковник Хауз — при В. Вильсоне, Г. Гопкинс — при Ф. Рузвельте). Нельзя признать случайным особую заинтересованность монополистических кругов в направлении на эти должности своих людей.

При президенте Д. Кеннеди верхушка канцелярии Белого Дома представляла собой «внутренний кабинет», «мозговой центр», который планировал и помогал президенту проводить в жизнь намечаемые им мероприятия. В области внешней политики большую роль играл специальный помощник по делам национальной безопасности М. Банди. При нем существовал так называемый «малый государственный департамент», в котором основные позиции занимали советники президента — профессор Массачусетского технологического института У. Росту, профессор Гарвардского университета У. А. Шлезингер, Г. Киссингер и другие. Эта группа, как отмечает американская литература, подменяла собой официальные правительственные учреждения, давала через голову государственного секретаря инструкции его работникам, требовала от них информации. С помощью этого аппарата Белого Дома президент стремился преодолеть узковедомственные интересы и стоящее за ними влияние отдельных капиталистических группировок.

При президенте Л. Джонсоне организационная структура Белого Дома стала довольно аморфной, помощники по предъявляемым к ним требованиям являлись не столько советниками, сколько адвокатами президента, техническими исполнителями, способными и готовыми беспрекословно выполнять его любые поручения. Из десяти специальных помощников президента Джонсона — так называемой «большой десятки» видное место в решении внешнеполитических проблем занимал М. Банди. В его распоряжении наряду с «малым государственным департаментом», состав которого в последнее время совершенно обновился, имелся также «кабинет анализа ситуаций», состоящий из военных экспертов. В отличие от своего предшественника Л. Джонсон стал применять более традиционные методы руководства своей администрацией, предоставив больше прав и инициативы руководителям правительственных учреждений.

Значительное влияние на определение и проведение внешней политики США в силу своего специфического положения во внешнеполитическом механизме постоянно оказывает другой важный орган Исполнительного Бюро президента — **Национальный Совет Безопасности (НСБ)**.

Созданный в 1947 году в соответствии с законом «О национальной безопасности», НСБ имеет своей целью определять основные направления и цели американской внешней, внутренней и военной политики и координировать усилия различных ведомств в достижении этих целей. В состав НСБ, помимо президента, председательствующего на его заседаниях, входят вице-президент, государственный секретарь, министр обороны, директор Бюро чрезвычайного планирования (бывшего Управления мобилизации для обороны), а также директор Центрального разве-

дывательного управления и председатель Объединенной группы начальников штабов. Особенно заметное усиление влияния НСБ произошло при президенте Эйзенхауэре, когда, по свидетельству Д. Ф. Даллеса, Совет стал «высшим органом, определяющим политику». После известного ослабления своей роли при Кеннеди НСБ вновь укрепил сейчас свои позиции. На его заседаниях обсуждались такие серьезные вопросы, как панамский кризис, интервенция США во Вьетнаме и Доминиканской Республике.

Известное влияние на определение внешнеполитического курса США оказывают также и руководители других подразделений Исполнительного Бюро — Бюро бюджета, которое готовит и выполняет бюджет и дает заключения по всем вопросам, требующим бюджетных ассигнований, Управление чрезвычайного планирования, Национальный совет по авиации и космическому пространству.

Усиление в государственном внешнеполитическом механизме роли аппарата Белого Дома, особенно Национального Совета Безопасности и других подразделений Исполнительного Бюро президента, отодвинуло на второй план **кабинет министров**.

Возникший в 1793 году первоначально как орган для принятия внешнеполитических решений, кабинет принял ряд важных решений в экспансионистских интересах молодого американского капитализма (решение о нейтралитете в англо-французской войне 1793 года, доктрина Монро в 1823 году и другие). С приходом к власти монополистической буржуазии кабинет, обремененный строго консультативными функциями и не несущий никакой парламентской ответственности, перестал иметь сколько-нибудь существенное значение в вопросах внешней политики; сейчас его роль как коллегиального органа вообще сведена на нет. Из числа членов кабинета, помимо государственного секретаря, внешнеполитическими вопросами занимается только министр обороны и, в определенной мере, министр финансов. Эти три министра — наиболее влиятельные лица в кабинете, на их постах неизменно находятся представители крупнейших монополистических объединений. В администрации президента Джонсона эти посты заняты представителями Рокфеллеров, Форда и банковских кругов Уолл-стрита.

Особую роль среди других членов правительства играет **вице-президент США**. По закону он является председателем в Сенате (хотя последний избирает временного председателя) и наследует президентскую должность в случае смерти или отставки президента.

В американской литературе долгое время бытовало чисто ироническое отношение к этой должности. Первый вице-президент США Джон Адамс так характеризовал свою должность: «Наиболее пустое место, которое может создать человеческое воображение». Однако последние примеры из политической жизни США, кажется, начинают опровергать это. Вице-президенты при Д. Эйзенхауэре и Д. Кеннеди — Р. Никсон и Л. Джонсон выполняли отдельные важные поручения президента, совершали заграничные поездки и, главным образом, освобождали пре-

зидента от многочисленных церемониальных обязанностей, связанных с выполнением протокольных функций как главы государства. Однако до сих пор к новой роли вице-президента еще не привыкли. Как признался сам президент Джонсон, о вице-президенте США Хэмфри, например, «просто забыли» при составлении делегации на похороны У. Черчилля, которая требовала высокого представительства.

Взаимодействие президента с государственными органами, участвующими в формировании внешней политики, осуществляется обычно не в форме систематических заседаний (ни НСБ, ни кабинет министров не имеют в настоящее время строго установленного порядка работы), а в форме постоянных личных контактов с руководителями этих учреждений. Такие контакты создают возможность президенту постоянно ощущать биение пульса ведущих монополистических объединений, стоящих за фасадом различных ведомств.

Постоянно налаженному центральному механизму по руководству внешними сношениями президент и в его лице правящая монополистическая верхушка предпочитают создание различного рода **специальных органов и групп**. Такая более гибкая система освобождает главу государства от излишних условностей конституционно-организационного порядка и позволяет привлекать в каждом конкретном случае нужных лиц. Так, для рассмотрения вопросов о позиции США в связи с англо-франко-израильской интервенцией в Египте в 1956 году президентом Эйзенхауэром была создана специальная группа в составе государственного секретаря, министра обороны, шефа разведки, председателя объединенной группы начальников штабов и главного помощника президента. Подобной же практики придерживался и президент Д. Кеннеди во время принятия ГДР защитных мер против подрывной деятельности западногерманских милитаристов в 1961 году и во время обострения кризиса в районе Карибского моря.

Президент Л. Джонсон для консультаций по вопросам государственной политики открыто прибегает к услугам своего «сугубо внутреннего кабинета» — неофициальной группы крупных адвокатов и банкиров (Р. Андерсон, Д. Коннэли, К. Клиффорд, Э. Фортас, Б. Коэн, Т. Коркоран, У. Дуглас, Дж. Роу, бывший госсекретарь в администрации Трумэна Д. Ачесон и другие). Отдельные члены этой группы занимают видное положение в техасской финансово-промышленной группировке. Бывший министр финансов в республиканской администрации Эйзенхауэра Р. Андерсон длительное время управлял делами семьи Вэгонеров — одной из богатейших в Техасе (более 300 миллионов долларов, вложенных в животноводство, нефть и газ). Нынешний губернатор штата Техас Д. Коннэли — в недавнем прошлом видный адвокат, юридический консультант техасских миллионеров-нефтяников Сиды Ричардсона и Перси Бэсса.

Президенты США активно используют предоставленное им конституцией бесконтрольное право посылки **специальных агентов** для выполнения ответственных миссий за рубежом.

Эта практика существует еще со времен первого президента Дж. Вашингтона. Тогда его эмиссар Джон Джей ездил в Англию для заключения договора, признававшего независимость США. Эмиссары нынешних президентов ездят с иными задачами — в частности для заключения тайных сделок с целью подавления национально-освободительных движений, как это было, например, в 1965 году, когда президент США в срочном порядке несколько раз рассылал своих агентов в Европу, Азию и Африку для сколачивания поддержки американской агрессии во Вьетнаме. Президент Л. Джонсон часто использует для специальных миссий министра обороны Макнамару, заместителей государственного секретаря Д. Болла и Т. Манна. Посылка специальных агентов считается в американской внешнеполитической практике весьма полезным мероприятием, поскольку она дает возможность поручать выполнение ответственных миссий хорошо информированным и пользующимся авторитетом у президента людям, хотя и признается, что это отрицательно сказывается на престиже американских послов.

Несколько в стороне от системы центрального внешнеполитического аппарата США находится **Верховный Суд**. Его значение сводится не только к тому, что он является высшей апелляционной инстанцией и судом первой категории по делам послов, консулов и других полномочных представителей. Главное состоит в том, что Верховный Суд — орган конституционного надзора, могущий опротестовать любые законодательные акты, в том числе и конгресса. Верховный Суд США вправе объявить неконституционным международный договор и соглашение, хотя это практически не было ни разу сделано. Имея право с согласия Сената назначать членов Верховного Суда, президент может активно воздействовать на состав и соответственно на позиции Верховного Суда и использовать его для отмены неугодных ему решений.

Вся система центрального руководства американской внешней политикой отличается, как видно, большой гибкостью и имеет своей целью в максимальной степени обслуживать нужды монополистического капитала на международной арене. Главное место в этой системе занимает президент США. За безобидной на первый взгляд шуткой о наличии у президента нескольких «шляп» скрывается признание сосредоточения в его руках власти по руководству внутренней и внешней политикой США. Являясь ставленником финансовой олигархии, президент наделен достаточно широкими полномочиями для того, чтобы с помощью ближайших ему министров, советников и помощников быстро и оперативно определять внешнеполитический курс американского государственного корабля, ориентируясь на общие классовые интересы монополистической буржуазии.

«ТУМАННОЕ ДНО»

Важное место во внешнеполитическом механизме американского государства занимает **государственный департамент США**. Известный также под названием Фогги Боттом (Туманное дно), по месту его расположения в Вашингтоне, госдепартамент является главным дипломатическим ведомством страны, на которое возложено оперативное руководство внешней политикой США.

Официально в функции государственного департамента входят: 1) помощь президенту в разработке внешней политики; 2) дипломатическая переписка от имени правительства с другими государствами; 3) руководство заграничными учреждениями; 4) решение всевозможных вопросов, связанных с пребыванием в США иностранных представительств; 5) защита прав и интересов граждан США за границей; 6) обеспечение информацией других правительственных органов по международным политическим, экономическим, военным и социальным вопросам. Все эти формы деятельности госдепартамента имеют вполне определенное назначение — обслуживание интересов господствующего класса Соединенных Штатов Америки на международной арене.

Тон в деятельности госдепартамента задают ведущие монополистические группировки страны (прежде всего Уолл-стрит), которые, по откровенному признанию американской прессы, «держат в своих руках контроль над госдепартаментом». Особенно велико влияние на государственный департамент Рокфеллеров, на что прямо указывают видные американские политические деятели, в том числе сенатор Э. Джонсон.

Представители различных монополистических кругов и партийные боссы делят между собой почти все важнейшие посты в госдепартаменте и посольствах.

Своеобразной американской традицией является так называемая «система добычи», то есть распределение указанных постов в порядке вознаграждения за оказание финансовой поддержки победившей на выборах партии. Так, в 1960 году, последнем году президентства Эйзенхауэра, 13 из 22 высших дипломатических постов занимали бизнесмены и политики, а в 1962 году, при президенте Кеннеди, они занимали 18 из 25 таких постов.

Что касается кадрового чиновничества внешнеполитических учреждений США, то костяк его по своему имущественному положению, родственным и общественным связям, по образу жизни и идеологии прочно связан с крупной буржуазией. «Клика родственников, связанных кровными узами с некоторыми богатыми семействами,—пишет в своих мемуарах видный американский дипломат У. Додд, — использует диплома-

тические должности для своих людей, из которых многие только что окончили Гарвардский университет и не имеют даже элементарных знаний. Главная их черта — снобизм и стремление к личному благополучию».

Повышенный интерес правящей монополистической верхушки к госдепартаменту является следствием его своеобразного положения в системе государственных органов внешних сношений США. Его особенность по сравнению с другими правительственными органами, выступающими в области внешних сношений, состоит в том, что, располагая квалифицированными экспертами в области дипломатии, он имеет наибольшие возможности для оказания существенного влияния на определение и проведение внешней политики. Руками этих экспертов готовятся рекомендации президенту по вопросам внешней политики, проекты директив и указаний, составляются дипломатические документы. Влияние госдепартамента тем более велико, чем менее сведущ в вопросах внешней политики президент и чем большими полномочиями пользуется глава госдепартамента — государственный секретарь.

Как главное дипломатическое ведомство страны госдепартамент осуществляет координацию и контроль за внешнеполитической деятельностью всех гражданских правительственных (свыше 50) и иных учреждений. Стремясь к осуществлению единой цели — сохранению позиций американского империализма в условиях непрерывно обостряющегося общего кризиса капитализма, различные ведомства и стоящие за их спиной влиятельные монополистические силы часто придерживаются различного подхода к тем или иным конкретным проблемам. Задача госдепартамента в этих условиях сводится к обеспечению максимально возможного единства действий и направлению усилий всех частей государственного аппарата на достижение главной цели.

Место и роль госдепартамента в определении и проведении империалистической внешней политики США наложили заметный отпечаток на его внутреннюю организацию и структуру. Глава ведомства — государственный секретарь является вторым лицом, которое осуществляет непосредственное руководство внешней политикой США. Согласно официальной точке зрения, государственный секретарь — главный советник президента в определении, формулировании и осуществлении внешней политики, главный администратор и координатор деятельности различных правительственных учреждений в этой области. Государственный секретарь по существу руководит всей текущей оперативной деятельностью государства в области внешней политики, участвует в различных совещаниях, представляет США на международных конференциях, подписывает соглашения, в отношении которых он имеет соответствующие полномочия президента, представляет все предложе-

ния правительства конгрессу, отчитывается перед конгрессом и т. д. В силу занимаемой им должности государственный секретарь является членом Национального Совета Безопасности, Экспортно-импортного банка США и Совета НАТО, где он стремится руководить политикой этого агрессивного блока.

На пост государственного секретаря обычно назначается представитель правящей партии, имеющий, как правило, исключительно близкие связи с финансово-промышленной олигархией. Нынешним государственным секретарем США является Д. Раск. По свидетельству американской прессы, большое влияние на Раска оказывают его главные помощники.

Ближайшее окружение государственного секретаря составляют его заместители, а также заместители и помощники заместителей. Они ведают специальными областями работы и руководят соответствующими структурными подразделениями госдепартамента. Из двух заместителей государственного секретаря один является заместителем по общим вопросам, другой — по экономическим.

Заместитель государственного секретаря по общим вопросам находится в курсе всех дел государственного секретаря и замещает его в случае отсутствия. Известны примеры того, когда этот заместитель в интересах сохранения преемственности проводимой администрацией курса становился государственным секретарем (в 1959 году после отставки Д. Ф. Даллеса государственным секретарем был назначен его заместитель К. Гертер). Сейчас заместителем государственного секретаря по общим вопросам является Дж. Болл, в прошлом видный ученый-экономист.

Нынешний заместитель государственного секретаря по экономическим вопросам Т. Манн, один из инициаторов пресловутого «Союза ради прогресса», ведает также латиноамериканскими делами. Американская печать называет его «царем латиноамериканских дел». Заместитель государственного секретаря по экономическим вопросам имеет специального помощника по международным делам бизнеса. Этот помощник является своего рода офицером по связи между госдепартаментом и монополистическими группировками. «Учреждение этого нового поста, — заявил при его создании в 1962 году Дж. Болл, — отражает признание как госдепартаментом, так и деловыми кругами того, что частная деятельность бизнеса за границей и американская внешняя политика во все возрастающих размерах зависят друг от друга».

В следующем ряду за заместителями государственного секретаря стоят заместители и помощники заместителей государственного секретаря. Заместитель заместителя государственного секретаря по политическим вопросам в дополнение к своим прямым обязанностям, вытекающим из самого названия его должности, отвечает за обеспечение координации гос-

департамента с Пентагоном. Заместитель заместителя государственного секретаря по административным вопросам руководит общими делами администрации и организации госдепартамента, является главой заграничной службы США, которая объединяет кадровых чиновников госдепартамента и его резерв в других ведомствах. В его распоряжении находится институт заграничной службы, готовящий дипломатические кадры, а также группа инспекторов, осуществляющая надзор за организацией работы в посольствах и консульствах.

10 помощников заместителя государственного секретаря осуществляют руководство различными структурными звеньями. Один помощник специально выделен для связи с конгрессом. Особое положение занимает советник государственного департамента. Он возглавляет Совет по планированию политики, задача которого — определение общего курса политики и подготовка конкретных мероприятий с учетом позиций различных ведомств.

Наконец, в руководящее звено госдепартамента входит посол по особым поручениям. Как правило, это видный дипломат, направляемый для выполнения специальных миссий. Нынешнему послу по особым поручениям А. Гарриману приходится, например, часто разъезжать по различным странам в качестве коммивояжера обанкротившейся политики США в Южной Азии.

Вся эта небольшая группа чиновников образует собой верхушку госдепартамента, в руках которой сосредоточены нити управления американской дипломатией. С их помощью они приводят в движение огромную дипломатическую машину страны, которая насчитывает примерно 37 тысяч человек, включая сотрудников центрального аппарата (1962 год).

Дипломатическая работа за границей проводится госдепартаментом через широкую сеть зарубежных представительств, которая постоянно расширяется, особенно в связи с появлением новых государств. В начале 1965 года США имели за границей 108 посольств, 3 миссии, 8 специальных представительств и 170 консульских учреждений.

Под влиянием тех же факторов, которые обуславливают общую для государственно-монополистического капитализма тенденцию к усилению роли президента в области внешних сношений, растет и другая тенденция — к модернизации организационной структуры и форм дипломатии, отражающая стремление господствующей монополистической верхушки иметь вполне современное орудие в международных делах, которые приобретают для нее исключительно важное значение.

Посольства и миссии из органов чисто политических сношений превращаются в универсальные заграничные учреждения, где под охраной дипломатических привилегий ведется об-

ширная работа по обслуживанию всех видов империалистической экспансии: политической, экономической и идеологической, по широкому вмешательству во внутренние дела других стран.

Номенклатура современных американских дипломатических представительств чрезвычайно пестра. Наряду с дипломатами, специализирующимися в области политики, экономики и идеологии, в составе посольств и миссий имеются военные, военно-морские и военно-воздушные атташе, представляющие соответствующие виды вооруженных сил, атташе по вопросам науки, атомной энергии, финансов, промышленности, сельского хозяйства, торговли, труда, гражданской авиации, судоходства, телекоммуникаций и т. п.

Посол, как отмечают американские авторы, представляет собой скорее председателя комитета экспертов, чем полномочного представителя страны. Из этого, однако, нельзя делать вывода об ослаблении роли посла как главного советника правительства по вопросам взаимоотношений с данной страной. Послы США в Москве, Лондоне, Париже, Бонне и других крупных столицах играют важную роль в формировании и осуществлении внешней политики своей страны.

Значительное развитие в современной американской дипломатии получает институт **специальных представительств** (миссий или делегаций), аккредитуемых при международных организациях и при замкнутых военно-политических и экономических группировках западных держав.

Среди специальных представительств особо выделяется миссия США в ООН. Эта миссия, по образному выражению видного американского дипломата Р. Мэрфи, «действует не как одно из посольств, а как второе министерство иностранных дел в правительстве Соединенных Штатов». Ее особое положение в органах американской дипломатии объясняется тем значением, которое США придают ООН, как «инструменту национальной американской политики», с помощью которого они рассчитывают втянуть в орбиту своего влияния молодые государства Азии и Африки, использовать трибуну ООН для ведения своей идеологической пропаганды. Миссия США направляет деятельность своей дипломатии в ООН, широко используя при этом не только методы парламентской дипломатии, но и прямые угрозы, шантаж, подкуп и «выкручивание рук». Вместе с тем она руководит огромным американским персоналом, работающим в этой международной организации, и активно использует его как важный рычаг американской политики в ООН.

Особую разновидность специальных миссий представляет собой западноберлинская миссия США, которая символизирует безосновательные претензии Соединенных Штатов на особые права в Западном Берлине, а по существу является центром подрывной деятельности против ГДР.

Государственному департаменту и руководящим им заграничным учреждениям свойственны некоторые общие черты, свидетельствующие о приспособлении этих органов к империалистическому характеру проводимой ими внешней политики.

Главное место как в центральном аппарате, так и в зарубежных органах занимает политический аппарат. Все политические вопросы в госдепартаменте США сведены в пять территориальных бюро (по делам африканским, европейским, дальневосточным, межамериканским и ближневосточным и южноазиатским) и в два функциональных бюро (по делам международных организаций и по международным научным делам), которые занимаются вопросами участия США в ООН и проблемами космоса и мирного использования атомной энергии. Кроме того, с госдепартаментом тесно связано существующее в качестве самостоятельного федерального учреждения Агентство США по контролю за вооружениями и разоружением.

На территориальных бюро лежит главная доля ответственности за подготовку предложений для президента с целью определения внешней политики в соответствии с интересами монополистического капитала. Вместе с тем они являются главными проводниками правительственной политики. Предпринятая в последнее время их реорганизация имела целью разукрупнение отделов бюро, ведающих проблемами Азии и Африки. Это свидетельствует о том особом внимании, которое уделяет сейчас американская дипломатия освободившимся от колониального гнета странам, стремясь толкнуть их на путь капиталистического развития.

Политическими вопросами в заграничных учреждениях занимаются политические отделы, имеющиеся в составе всех посольств, миссий и специальных представительств. Эти отделы занимаются сбором и обработкой сведений о внутренней и внешней политике страны пребывания, тщательно изучают деятельность политических партий и отдельных государственных деятелей. Они готовят периодические доклады госдепартаменту о политическом положении в стране, подготавливают предложения для определения позиции США по вопросам, касающимся их взаимоотношений со страной пребывания. Важнейшая сторона деятельности политических отделов состоит в координации действий и осуществлении связи с представителями различных служб и ведомств, работающими под крышей посольства.

Наряду с политическим аппаратом, являющимся центральным звеном, важное место в структуре дипломатических органов США занимают экономические отделы, дающие наглядное представление о тех масштабах, в которых происходит обслуживание крупного капитала дипломатией, о подчинении дипломатии интересам монополий, их своекорыстным расчетам и антинародным делам.

В госдепартаменте вопросам внешнеэкономической экспансии отводится первостепенное значение. Он осуществляет общее наблюдение за проведением внешнеэкономической политики, контролирует экспорт вооружения, боеприпасов и во-

енных материалов, оказание различного рода помощи. В одном из своих выступлений Д. Раск прямо заявил, что американская помощь «является важным рычагом американской внешней политики» и имеет своей целью «поддержку интересов США в широком смысле этого слова во всем мире». В подчинении государственного секретаря находится специальная организация — Агентство международного развития, которое в настоящее время координирует или осуществляет предоставление «помощи» 80 странам и территориям. Помимо этого, имеется еще бюро по экономическим делам, наделенное широкими контрольно-координационными функциями в отношении деятельности других учреждений во внешнеэкономической области. Специальное отделение этого бюро контролирует выполнение «закона Бэттла» («Акт 1951 года о контроле над оказанием помощи в целях взаимной обороны»), следит за осуществлением мер, препятствующих расширению торговли между капиталистическими и социалистическими странами.

Для оказания непосредственного содействия американским монополиям за границей в составе посольств и миссий США выделены специальные экономические отделы. В их обязанность входит установление контактов между представителями монополистических кругов США и страны пребывания, наблюдение за деятельностью конкурентов, изучение состояния отдельных рынков, требований покупателей, местных условий торговли и т. п.

Для дипломатических органов США характерно также наличие в их распоряжении большого пропагандистского аппарата, который широко пользуется приемами и методами клеветнической подстрекательской пропаганды, направленной против ряда государств, с которыми поддерживаются нормальные дипломатические и иные отношения.

Одним из основных функциональных звеньев госдепартамента является бюро по делам общественности, подразделяющееся на 5 отделов: планирования политики, печати, радио и телевидения, обслуживания общественности, дипломатической истории, которые осуществляют в основном пропаганду внутри США и на границу. Бюро является фактическим цензором американской прессы по внешнеполитическим вопросам. Оно действует в тесном контакте с главным аппаратом «психологической войны» — Информационным агентством США (ЮСИА), откуда грязным потоком распространяется антикоммунистическая пропаганда. Сотрудники ЮСИА пропагандируют агрессивную политику Вашингтона в 106 странах. Агентство издает более 100 газет и журналов. ЮСИА все больше превращается в филиал госдепартамента; в октябре 1964 года сотрудники ЮСИА были включены в состав заграничной службы, руководство которой осуществляется госдепартаментом.

Другое звено в аппарате идеологической экспансии — бюро по вопросам образования и культуры, которое осуществляет культурные связи с заграницей, используя их в интересах американской политики.

Свою заграничную работу эти два бюро организуют через отделы информации и культурных связей, которые имеются почти во всех зарубежных представительствах США. Как правило, эти отделы подразделяются на подотделы: информации, культурных связей и печати. Задача этих подразделений сводится, прежде всего, к идеологической обработке населения стран пребывания.

С созданием «Корпуса мира», занимающегося под миссионерской вывеской шпионажем и пропагандой «американского образа жизни», на госдепартамент официально возложено руководство его неокOLONиалистской деятельностью. Госдепартамент распоряжается финансами этого корпуса, руководит отбором «благонадежных добровольцев» и обеспечивает расстановку этих лиц на важнейших участках идеологической, экономической и политической борьбы в молодых развивающихся государствах. О масштабах деятельности этого нового орудия американского проникновения в другие страны красноречиво свидетельствуют такие цифры: в семнадцати странах Латинской Америки находится 2473 «добровольца», в пятнадцати странах Африки — 2023, в четырех странах Дальнего Востока — 1170, в десяти странах Ближнего Востока и Южной Азии — 990. Ежегодный бюджет корпуса составляет почти 100 миллионов долларов, а общее число «добровольцев» — около 15 тысяч человек.

Идеологическая пропаганда часто используется американской дипломатией в качестве одного из средств, существенным образом дополняющим ее военно-интервенционистские акции. По авторитетному свидетельству бывшего директора ЮСИА К. Роуэна, агрессия США во Вьетнаме сопровождалась значительным расширением операций американского информационного агентства во Вьетнаме. «В течение 1964 года число представителей информационного агентства США в Южном Вьетнаме, — сказал Роуэн, — увеличилось с 24 до 55 человек. Значительно увеличилось число южновьетнамских служащих в информационном агентстве США, улучшены коротковолновые радиопередачи, осуществляемые с помощью передатчика информационного агентства США на Филиппинах, а продолжительность ежедневных радиопередач на вьетнамском языке увеличена с двух до шести часов. В Гуэ, в Южном Вьетнаме, введена в строй большая радиостанция, которую также могут слушать северовьетнамцы».

Подрывная пропагандистская деятельность американских посольств и тесно связанных с ними служб ЮСИА и «Корпуса мира» вызывает широкое возмущение во многих странах.

В марте 1965 года правительство Индонезии, например, наложило запрет на деятельность информационной службы США, закрыло американские библиотеки и пропагандистские центры, потребовало запрещения операций «Корпуса мира» и сделало серьезное предупреждение посольству США.

В составе органов американской дипломатии официально имеются подразделения, осуществляющие шпионско-разведывательную деятельность. С 1958 года в госдепартаменте США открыто функционирует бюро разведки и исследований. Как отмечает Г. Рэнсон в книге «Централизованная разведка и национальная безопасность», информация американской разведки, поступающая из периодических служебных докладов из-за рубежа по линии госдепартаamenta и других правительственных учреждений, «по грубому подсчету», составляет 25 процентов, а материалы военных атташе, аккредитованных при иностранных правительствах, — 30 процентов. При этом значительную часть в этой информации занимают шпионские сведения.

Специальный отдел бюро — отдел внешних исследований — координирует исследования в различных научно-исследовательских институтах, учебных заведениях, частных организациях и т. п. и использует полученные им сведения в определенных политических целях.

Значительное число американских дипломатов и консулов за границей выполняет специальные разведывательные задания, устанавливает широкие связи с различными кругами государственных служащих и общественными деятелями страны пребывания для получения информации не только по общеполитическим проблемам, но и по вопросам, составляющим государственную тайну.

Шпионско-разведывательная деятельность американских посольств, миссий и консульств ведет к вмешательству во внутренние дела государств. Известно немало случаев, когда американским дипломатам предлагалось покинуть страну пребывания из-за деятельности, несовместимой с дипломатическим статусом.

Открытому вмешательству во внутренние дела других стран служит и отдел контроля за поставками вооружения, непосредственно подчиненный заместителю заместителя государственного секретаря по политическим вопросам. Этот отдел, насчитывающий весьма внушительное число сотрудников — 180 человек, занимается вместе с Пентагоном разработкой и осуществлением планов оказания военной помощи и, в частности, поставок американского оружия в другие страны, которое используется главным образом для подавления национально-освободительного движения.

Существование огромной бюрократической машины в американской дипломатии, неуклонный рост численности ее пер-

сонала обуславливают наличие большого вспомогательного административно-хозяйственного аппарата как в госдепартаменте, так и в американских представительствах за границей. Бюро администрации ведает управлением делами и хозяйственным обслуживанием госдепартамента и его зарубежных учреждений, валютно-финансовыми вопросами, собственностью США за границей. Вместе с генеральной дирекцией заграничной службы оно занимается вопросами кадров. В посольствах и миссиях США подобными вопросами занимается административный отдел, который обычно объединяет следующие подотделы: финансово-расчетный, шифровальный, почтовый (он же является канцелярией), документов, службы дипкурьеров, телефонную службу, а также библиотеку.

Другое важное подразделение вспомогательных служб — Бюро безопасности и консульских дел — наряду с многочисленными консульскими вопросами занимается контрразведывательной деятельностью и пресловутой проверкой лояльности чиновников заграничной службы. С этой целью оно широко использует не только униженные опросы, но и слежку, подслушивание, тайную запись разговоров и тому подобные приемы и методы шпионских организаций. В своей практической деятельности это Бюро тесно связано с тайной полицией — Федеральным Бюро расследований (ФБР).

При более обстоятельном знакомстве с «Туманным дном» вполне определенно вырисовывается его политическое назначение. Основные дипломатические усилия США, как видно, направляются к достижению триединой цели: к поддержке и укреплению системы империализма в целом и подрыву мировой системы социализма, к насильственному навязыванию освободившимся странам капиталистического пути развития и, наконец, к обеспечению монополистическому капиталу США наиболее выгодных позиций в его конкуренции с другими монополиями, выступающими на международной арене.

«ТЕ ЛЮДИ»

Положение США как главной империалистической державы, оплота мировой реакции обусловило огромный рост военно-бюрократической машины и шпионско-разведывательного аппарата.

«Те люди», как условно называют в госдепартаменте американских военных и разведчиков, играют все большую роль в определении и проведении внешнеполитического курса страны, являются главными инициаторами агрессии против социалистических стран и жандармских действий против национально-освободительного движения.

Пентагон — центр всех американских военных ведомств и **Центральное разведывательное управление (ЦРУ)** стали важнейшей составной частью внешнеполитического механизма США. Как признал председатель сенатской комиссии по иностранным делам Дж. Фулбрайт, в Соединенных Штатах существует «громоздкая военная машина», которая поглощает более половины федерального бюджета, оказывает глубокое влияние на экономику страны и все больше влияет на политику.

В чем же состоят причины постоянно возрастающего влияния «тех людей» в форме и штатском на деятельность американского государства в международных делах?

Политическое влияние военных и разведывательных ведомств — в основном отраженное влияние подлинных повелителей — империалистов. Однако оно в значительной степени подкрепляется специфическими особенностями этих ведомств в государственном механизме США, их огромными масштабами и разветвленностью, главенствующей ролью в распределении военных заказов среди подлинных творцов американской политики — монополий.

Пентагон и ЦРУ — два крупнейших концерна в американском государстве. В органах одного только Пентагона занято более 1,3 миллиона правительственных служащих, разбросанных по всему миру. Кроме того, он распоряжается судьбами более 6 миллионов человек, из которых 2,7 миллиона входят в состав вооруженных сил США и 3,5 миллиона в состав резерва. Ежегодный бюджет Пентагона составляет в среднем 50 миллиардов долларов, а его имущество в США и за рубежом оценивается в 160 миллиардов долларов. Это в три раза больше, чем собственность таких гигантских трестов, как «Дженерал моторс», «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Юнайтед стейтс стил», «Америкэн телефон энд телеграф компани» и «Метрополитэн лайф иншуренс», вместе взятых.

ЦРУ — второй после Пентагона собственник капитала. Одна только недвижимая собственность в округе Фэрфэкс (штат Вирджиния), где расположено ЦРУ, оценивается в 46 миллионов долларов. По свидетельству хорошо информированных американских публицистов Д. Уайза и Г. Росса, авторов книги «Невидимое правительство», расходы на американскую разведку составляют 4 миллиарда долларов в год. Однако эти цифры еще не отражают подлинного бюджета американской разведки. Крупные суммы, ассигнованные на шпионско-разведывательную деятельность, замаскированы в многочисленных статьях бюджета других государственных учреждений и, в частности, госдепартамента, Пентагона, Национального управления по авиации и исследованию космического пространства. Такое колоссальное сосредоточение человеческих и материальных ресурсов, направленных на гонку вооружений и обеспечение американского господства в различных частях земного шара, способствует превращению Пентагона и ЦРУ в относительно самостоятельную и не всегда поддающуюся контролю политическую силу.

Усиление роли военной машины в стране — результат общего для империалистических держав стремления к милитаризму. Это стремление отчетливо обнаружилось в США после второй мировой войны, когда взятый ими политический курс на достиже-

ние мирового господства потребовал создания гигантских военного и разведывательного аппаратов для вмешательства во внутренние дела других государств. А так как ни агрессия против стран социалистической системы, ни подавление национально-освободительных движений, ни «холодная война» не могут вестись без применения политических средств борьбы, империалисты обеспечили Пентагон и ЦРУ не только современными видами оружия, но фактически и солидными правами участия в разработке внешней политики США, в проявлении политической инициативы и воплощении ее в агрессивные действия.

За фасадом Пентагона и ЦРУ в основном орудуют наиболее реакционные группы финансовой олигархии, которые заинтересованы в «холодной войне» и связанной с этим гонке вооружений, обеспечивающей им баснословные прибыли. Между монополиями и военным и разведывательным аппаратом США сложился «военно-промышленный комплекс», представляющий собой соединение для осуществления агрессивных целей милитаристского бизнеса с силой военщины.

Даже Д. Эйзенхауэр — представитель военщины, побывав на посту президента, должен был признать растущую опасность «неоправданного влияния военно-промышленного комплекса», на который работают миллионы людей. Этот комплекс ворочает фактически миллиардами долларов, и его воздействие «ощущается в каждом штате, в каждом учреждении федерального правительства».

Механизм взаимодействия между военно-разведывательными учреждениями и породившими их империалистическими монополиями несложен. Фигурально говоря, между Пентагоном и ЦРУ, от которых зависит распределение военных правительственных заказов, сулящих сверхприбыли, и промышленными монополиями пролегает как бы дорога с двусторонним движением: от военных ведомств идут заказы, к ним — поставки и претенденты на высокие посты.

Все командные посты в Пентагоне фактически забронированы для ставленников военных монополий. Достаточно сказать, что из восьми министров обороны, занимавших этот пост со времени его учреждения в 1947 году, семь министров (Дж. Форрестол, Л. Джонсон, Р. Ловетт, Ч. Вильсон, Н. Макэлрой, Т. Гейтс и Р. Макнамара) — крупнейшие представители военных монополий. Только один министр обороны — генерал Джордж Маршалл до занятия этого поста не имел ярко выраженных связей с воротилами военного бизнеса. Но и он пользовался их полным доверием.

Руководство ЦРУ — директор и его заместитель — живое воплощение союза генералов от бизнеса и от армии. Из четырех директоров ЦРУ двое были военными (вице-адмирал Р. Г. Хилленкоттер и генерал У. Б. Смит, бывший посол США в

Москве), двое — прямыми агентами финансовой олигархии страны (А. Даллес и Дж. А. Маккоун). Нынешний директор ЦРУ адмирал Рэйборн в прошлом не только видный военный, но и крупный бизнесмен, вице-президент «Аэроджет Дженерал корпорейшн».

Заместителями у А. Даллеса и Дж. Маккоуна были соответственно генералы Ч. П. Кэйбл и М. Картер. Ныне этот пост занимает профессиональный разведчик С. Хелмс.

Обращает на себя внимание то, что на руководящих постах ЦРУ заметно преобладают лица, связанные с группой Рокфеллеров.

Такова одна сторона личной унии, представляющей характерную черту «военно-промышленного комплекса». Другая ее сторона — широкое вовлечение влиятельных военных и разведчиков после их выхода в отставку в руководящий аппарат тех монополий, которые обогащаются на военных поставках и добиваются все новых выгодных заказов.

Показательно, что наибольшее число отставных генералов и адмиралов находится на службе сравнительно немногих ведущих военных корпораций. Так, например, среди руководителей одной из крупнейших военно-промышленных компаний «Локхид эйркрафт корпорейшн», стоящей на первом месте среди подрядчиков Пентагона и ЦРУ, насчитывается 24 бывших военачальника, в фирме «Дженерал дайнамикс корпорейшн» — 27, в «Боинг эйрплэйн компани» и «Норт Америкэн авиэйшн» — по 5 генералов в каждой и т. д. Комиссия Хеберта, занимавшаяся в 1959—1960 годах расследованием этой практики, установила, что более 1400 ушедших в отставку офицеров (от майора и выше) были связаны со 100 компаниями, которые делили между собой 75 процентов всех военных заказов.

Деятельность отставных генералов и офицеров по проталкиванию интересов своих фирм через Пентагон приняла настолько широкие масштабы, что министр обороны издал в 1964 году специальную инструкцию, ограничивающую личные контакты с чиновниками Пентагона.

Тесное общение руководителей большого бизнеса и Пентагона и совпадение их личных интересов обеспечивают для монополий наиболее благоприятные условия при распределении военных заказов, превращают руководителей военного и разведывательного ведомств в непосредственных служителей монополий. Отсюда заинтересованность ведущих кругов американского бизнеса в сохранении влияния Пентагона и ЦРУ на все стороны государственной жизни и прежде всего на формулирование и осуществление внешней политики. «Настоятельно необходимо, чтобы наше правительство располагало хорошими советами военных», — завещал Джон Фостер Даллес — один из главных творцов агрессивной политики США.

Наряду с постоянными личными контактами с президентом и государственным секретарем, руководители Пентагона и ЦРУ используют для воздействия на принятие правительственных решений в нужном для них направлении и такой важный орган во внешнеполитическом механизме США, как уже упоминавшийся Национальный Совет Безопасности. Национальный Совет Безопасности, по признанию Д. Ф. Даллеса, с самого его создания являлся «в огромной степени милитаристским с точки зрения своего состава». В августе 1949 года его состав, правда, был несколько видоизменен. Если раньше, помимо президента, шестью другими членами Совета являлись государственный секретарь, директор Управления мобилизации для обороны, министр обороны, военный министр, военно-морской министр и министр военно-воздушных сил, то теперь трое последних не входят в состав НСБ. Однако они де-факто участвуют в его заседаниях. Более того, в случае необходимости они могут быть назначены президентом с одобрения сената постоянными членами Совета. Непременным участником всех заседаний НСБ является директор ЦРУ.

Таким образом, уже сам состав НСБ обеспечивает приоритет руководителей военных ведомств при выработке важнейших внешнеполитических решений.

Значительное влияние на формирование внешней политики США оказывает кадровая военная верхушка, представленная в Объединенной группе начальников штабов, которая выполняет роль Генерального штаба. Объединенная группа в составе начальников штабов армии, флота и авиации, а также командующего морской пехотой имеет своей задачей давать советы правительству и выносить рекомендации по важнейшим вопросам военной политики. Рекомендации эти обычно выходят далеко за пределы официальных функций и имеют, по авторитетному свидетельству бывшего министра авиации Т. Финлеттера, «весьма важное значение для экономической и внешней политики». Как отмечает бывший заместитель министра обороны США Р. Гилпатрик, «сила решения по военному вопросу, принятого большинством начальников штабов видов вооруженных сил, настолько велика, что даже самые высокопоставленные гражданские чиновники не решаются пренебречь им». Не удивительно, что и на заседаниях НСБ председатель Объединенной группы начальников штабов часто располагает поддержкой большинства и может способствовать принятию угодных Пентагону решений.

Механизм, через который руководители военных и разведывательных ведомств оказывают влияние на внешнюю политику, не ограничивается НСБ. Пентагон и ЦРУ имеют своих людей в государственном департаменте, американских посольствах и миссиях за границей, Информационном агентстве и других государственных органах внешних сношений. Их пред-

ставители широко участвуют в различного рода межведомственных комитетах, занимающихся конкретными внешнеполитическими проблемами.

Американскому генералитету доверяются важнейшие дипломатические посты. Так, послами США в Москве в разные годы были генерал-лейтенант Б. Смит — впоследствии директор ЦРУ и адмирал А. Кэрк, бывший начальник военно-морской разведки; специальным представителем в ранге посла в Западном Берлине был генерал Л. Клей, представителем в Совете НАТО — бывший министр авиации Т. Финлеттер.

О большой роли военных и разведывательных учреждений во внешней политике США ярко свидетельствует их внутренняя организация. Являясь механизмом по руководству вооруженными силами, Пентагон тем не менее имеет в своем составе специальный внешнеполитический аппарат, приспособленный к тому, чтобы вырабатывать свою линию в вопросах внешней политики и проводить ее через соответствующие внешнеполитические органы. При министре обороны функционирует специальный орган с весьма показательным названием — Совет по выработке политики вооруженных сил. Наряду с гражданскими и военными руководителями Пентагона в его заседаниях участвует представитель госдепартамента, обязанный доводить точку зрения Совета до сведения руководителей американской дипломатии.

Непосредственно внешнеполитическими проблемами занимается помощник министра обороны по вопросам международной безопасности, который тесно связан с государственным департаментом США. В его распоряжении имеется специальное Управление по делам международной безопасности, часто называемое «госдепартаментом Пентагона». В нем готовятся планы и предложения, особенно по вопросам участия США в различного рода замкнутых агрессивных группировках западных держав. Управление осуществляет общее политическое руководство американскими войсками за границей.

Важными рычагами для оказания влияния на формирование и осуществление внешней политики являются разведывательные органы Пентагона, подчиненные помощнику министра обороны по вопросам международной безопасности. Один из них — Управление разведки обороны — осуществляет руководство деятельностью военной, военно-морской и военно-воздушной разведок. Другой — Национальное Управление Безопасности — руководит всей шифровальной службой США, организует шпионаж с помощью технических средств. Через посредство соответствующим образом подобранной и препарированной информации разведывательные органы Пентагона в состоянии оказать воздействие на принятие правительством тех или иных внешнеполитических решений. Американские авторы обращают внимание на то, что за последнее время

разведорганы Пентагона в ряде случаев выступают в роли серьезного конкурента ЦРУ.

Пентагон располагает значительными возможностями для проведения своего влияния через широкую сеть зарубежных представителей США. Этой цели служат военные, военно-морские и военно-воздушные атташаты, подчиненные Управлению разведки обороны. Военные представители США за границей снискали себе печальную известность систематическим нарушением норм внутригосударственного и международного права, открытым вмешательством во внутренние дела страны пребывания, за что они неоднократно выдворялись правительствами соответствующих стран,

Пентагон осуществляет также руководство деятельностью около 50 миссий военной помощи. Эти миссии в ряде стран осуществляют командование специально подготовленными войсковыми подразделениями для ведения антипартизанской борьбы. Эти карательные войска Пентагона включают в себя части всех родов войск. Они широко используются для поддержки прогнивших марионеточных режимов и предназначаются для борьбы с национально-освободительным движением народов Азии, Африки и Латинской Америки. Значительная часть этих войск используется для ведения грязной войны во Вьетнаме.

Пентагон не довольствуется одним только проведением угодных себе взглядов в директивных и исполнительных органах американского правительства. Он берет на себя идеологическое воспитание населения. Пентагон создал многочисленные «фабрики идей» — научно-исследовательские центры, занимающиеся теоретической разработкой милитаристских взглядов по различным вопросам, популяризацией их в литературе. Доктрины и концепции, создаваемые в этих заведениях, обычно направлены на поощрение и создание препятствий любым дипломатическим действиям против «холодной войны». Дипломированные прислужники Пентагона по-прежнему продолжают заниматься изысканием различных средств предотвращения разрядки международной напряженности.

В оправдание такого рода деятельности Пентагона пущена специальная версия о якобы неспособности других государственных учреждений, в том числе и государственного департамента, должным образом выполнять свои функции. «Вследствие этого, — заявляет видный американский исследователь Э. Фернисс, — высшие военные органы вынуждены заниматься и разрабатывать также политические, экономические и даже психологические проблемы, которые другие правительственные учреждения не в состоянии решать более или менее эффективно».

Государственный механизм США предоставляет, таким образом, широкие возможности Пентагону для влияния на внеш-

нюю политику страны. Причем это влияние тем более опасно, что, по словам председателя Комиссии по иностранным делам Сената Дж. Фулбрайта, «ни американский народ, ни конгресс не осуществляют эффективного контроля над военным комплексом».

Не меньшие возможности для воздействия на формирование и осуществление внешней политики США имеет Центральное Разведывательное Управление. Созданное как орган Национального Совета Безопасности на основании закона о национальной безопасности 1947 года, ЦРУ занимает особое положение в системе американской разведки. Оно является главным разведывательным учреждением страны. В соответствии со стратегией «глобального шпионажа» американская разведка опутала своими сетями страны всех континентов. «Дело разведки, — с циничной откровенностью заявляет один из основателей и руководителей ЦРУ А. Даллес, — любая информация из любого источника». В осуществлении своей шпионской деятельности ЦРУ широко использует такие средства, как подкуп и шантаж, ложь и клевета, кража документов, подслушивание разговоров, перехват переписки, криптография и т. п.

Законом о национальной безопасности перед ЦРУ ставится задача проводить такую «представляющую общий интерес работу, которая, по определению Национального Совета Безопасности, может быть более эффективно осуществлена централизованным образом». Иными словами, речь идет о проведении ЦРУ самых «деликатных» шпионско-диверсионных операций, таких, например, как полеты самолетов-разведчиков над территорией других стран, организация заговоров с целью свержения законных правительств, поддержка контрреволюции в независимых странах.

Применительно к выполнению стоящих перед ним задач ЦРУ состоит из четырех главных подразделений: управления планирования, направляющего деятельность американских шпионов за границей и организующего наиболее коварные операции тайной войны; разведывательного управления, занимающегося изучением и обработкой шпионско-разведывательных сведений и подготовкой соответствующих аналитических документов; исследовательского управления, осуществляющего разведку в области науки и техники, и управления поддержки, снабжающего американских шпионов соответствующей техникой и оружием для ведения подрывной деятельности.

Наряду со штаб-квартирой в округе Фэрфэкс ЦРУ имеет на территории США свои отделения в 20 крупных городах, которые занимаются главным образом работой с туристами, направляющимися за границу. В соответствии с директивой НСБ № 7 ЦРУ имеет право давать туристам специальные задания

и опрашивать их по возвращении из-за границы. Ни для кого не составляет секрета, что главным вниманием ЦРУ пользуются туристы, направляющиеся в Советский Союз и другие социалистические страны.

За границей ЦРУ осуществляет свою деятельность под прикрытием прежде всего дипломатов и бизнесменов. В каждом из посольств и миссий имеется специальная секция ЦРУ, возглавляемая обычно одним из советников или первым секретарем. Эта секция руководит сетью тайных агентов, занимается шпионажем, беззастенчиво вмешивается во внутренние дела страны пребывания.

Кроме прямой шпионско-диверсионной деятельности, ЦРУ координирует работу широкой сети разведывательных учреждений США (Национальное Управление Безопасности и Управление разведки обороны — в министерстве обороны, Бюро разведки и исследований — в госдепартаменте США, разведорганы Комиссии по атомной энергии, Национального управления авиации и космического пространства, министерств торговли и почт и других).

В целях координации при ЦРУ функционирует Разведывательное бюро США, известное как главный штаб «разведывательного сообщества» США. Разведбюро, в котором председательствует директор ЦРУ, состоит из помощника государственного секретаря по вопросам разведки, начальника Управления разведки министерства обороны, руководителей армейской, военно-воздушной и военно-морской разведки, директора ФБР и главы разведслужбы Комиссии по атомной энергии. Разведбюро проводит еженедельные заседания, на которых дается оценка поступающих из-за границы текущих шпионских донесений. Показательно, что директор ЦРУ, как отмечает А. Даллес, не только руководит работой разведбюро, но и «несет ответственность за оценки, вырабатываемые на заседаниях разведбюро», которые представляются президенту. Вследствие этого директор ЦРУ получает значительные возможности для проведения через разведбюро нужных ему рекомендаций для президента.

Особое положение ЦРУ среди других разведорганов ярко обнаруживается при составлении так называемых национальных оценок — докладов о положении в отдельных странах и их позиции по тем или иным внешнеполитическим вопросам. Для этой работы в составе ЦРУ имеется Совет национальных оценок. Задача Совета заключается в подготовке предварительных проектов большинства оценок и согласовании этих проектов в рабочем порядке с членами разведбюро США.

Превращение военных и разведывательных учреждений США во влиятельнейшие внешнеполитические органы государственной машины имеет опасные последствия, поскольку

диктуемая ими политика выражает интересы наиболее агрессивных настроенных слоев американской буржуазии и носит опасный для дела мира характер.

Это особенно наглядно можно видеть на примере вооруженной интервенции США против Вьетнама. «Грязную войну» американского империализма во Вьетнаме нередко называют «войной Макнамары». И действительно, министр обороны непосредственно занимается определением политики США в Юго-Восточной Азии. Пентагон рассматривает агрессию в Индокитае как испытание на практике пресловутой концепции ограниченных или локальных войн, как своего рода «лабораторию войны», в которой проверяются не только новые приемы и методы ведения войны, но и новые виды оружия.

Американская военщина принесла во Вьетнам изуверство колонизаторов, помноженное на разрушительную силу современных средств истребления. Действия американских милитаристов во Вьетнаме серьезным образом обострили международную обстановку, создав угрозу миру не только в Юго-Восточной Азии, но и далеко за ее пределами.

Послужной список ЦРУ столь же красноречиво говорит об активном вмешательстве во внутренние дела других стран, о проведении политики «балансирования на грани войны». Свержение иранского премьера Моссадыка (1953 год) и гватемальского правительства Арбенса (1954 год), срыв Парижского совещания глав правительств (1960 год), организация закончившейся провалом высадки на Кубе контрреволюционной банды кубинских эмигрантов (апрель 1961 года) и еще более опасной военной блокады революционной Кубы (октябрь 1962 года), поставившей мир на грань термоядерной войны, — таковы некоторые факты из этого списка, изобилующего наиболее коварными и грязными делами американского империализма.

Совершенно очевидно, что своим участием в определении и проведении внешнеполитической деятельности «те люди» из Пентагона и ЦРУ оказывают большое влияние на внешнюю политику страны. Истоки этого влияния коренятся в самой политике США, которая основывается на гонке вооружений, на постоянном взвешивании баланса сил, постоянных поисках разведывательных данных, на отходе от обычных дипломатических средств воздействия даже на союзные государства. Порожденное послевоенным внешнеполитическим курсом влияние американской военщины в свою очередь в значительной мере усиливает авантюристический и агрессивный характер этого курса.

В ДОЛИНЕ ПРИЗРАКОВ

Существование в США большого аппарата, предназначенного для проведения на международной арене политики, выражающей интересы господствующего класса, не в силах предотвратить серьезных просчетов и поражений в американской внешней политике.

Несостоятельность внешнеполитического курса США особенно наглядно обнаружилась в последнее время. «После второй мировой войны, — заявляет видный американский дипломат У. Буллит, — наша внешняя политика увела нас с вершины могущества и безопасности в долину призраков». Американские авторы единодушно сходятся на том, что внешняя политика страны переживает серьезный кризис и не в состоянии выполнять задачи, поставленные перед ней господствующим классом. Они признают, что этот кризис распространился на все стороны внешнеполитической деятельности США — на отношения с социалистическими странами, с независимыми государствами Азии, Африки и Латинской Америки, а также с самими капиталистическими державами. Однако, правильно установив диагноз, американские авторы обычно, по вполне понятным причинам, прилагают все усилия к тому, чтобы уйти в сторону от вскрытия подлинных причин критического состояния внешней политики страны.

Кризис внешней политики США как империалистической державы — результат исторической обреченности того строя, интересы которого она выражает. Это часть кризиса внешней политики империализма в целом. Этот объективный процесс развивается внутри империализма как системы, он является одним из следствий общего кризиса капитализма, возникшего в результате первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции. Кризис внешней политики империализма порожден ликвидацией единой мировой империалистической системы и появлением противоположной общественной системы — социализма. Он порожден, далее, ликвидацией единой внутриимпериалистической системы международных отношений. Возникла принципиально новая ситуация, связанная с выходом на мировую арену содружества социалистических государств и присущего ему нового типа международных отношений, когда взаимоотношения между двумя системами стали решающей проблемой мировой политики. Коренной перевес сил в пользу социализма придает особую остроту и глубину кризису внешней политики империализма.

Кризис внешней политики США в значительной мере усугубляется в силу классовой ограниченности мировоззрения творцов и проводников империалистической внешней полити-

ки. Являясь главной империалистической державой, оплотом мировой реакции, США стремятся подчинить своему господству другие государства, используя в качестве главных средств политику военных блоков и экономической «помощи».

Не успела окончиться вторая мировая война, как правительство Соединенных Штатов Америки, возглавляемое президентом Трумэн, взяло курс на отход от политики сотрудничества с Советским Союзом, который был в то время главным военным союзником США. Политика американско-советского сотрудничества, давшая плодотворные результаты в годы войны, была заменена им политикой «жесткого курса» в отношениях с СССР.

По истечении двух лет после окончания войны правительство США официально провозгласило политику «с позиции силы», в основе которой лежала далекая от действительности «теория» о мнимом превосходстве Запада над социалистическим лагерем. Конкретным проявлением ориентации американской политики на «ситуацию силы» явилась на первом этапе так называемая «политика сдерживания», являвшаяся официальным внешнеполитическим курсом США в 1947—1952 годах. Она была призвана внушить общественности ложное представление, будто социалистический лагерь угрожает США и их союзникам агрессией, которую последним приходится якобы «сдерживать». В действительности же именно инициаторы «политики сдерживания» выдвигали агрессивные планы, суть которых заключалась в том, чтобы путем наращивания вооружений и укрепления господства реакции в странах империалистического лагеря, а также путем прямого применения американских вооруженных сил сначала изолировать социалистический лагерь, а в дальнейшем задушить его.

Одним из ярких примеров иллюзорности расчетов американской дипломатии явилась в те годы так называемая «атомная дипломатия». Бывшие президенты Гувер и Трумэн, бывшие американские министры Форрестол, Вильсон и другие прямо заявляли о намерении использовать имевшееся у США атомное оружие против других стран, проводящих независимую политику, и в первую очередь против Советского Союза. Построенная без реального учета действительности, эта дипломатия в скором времени потерпела полный крах. Советское государство в кратчайший срок ликвидировало монополию США в области атомного оружия и добилось крупнейших успехов в его производстве.

Учитывая провалы основной внешнеполитической концепции в период пребывания на посту президента Трумэна, лидеры республиканской партии в избирательной кампании 1952 года объявили себя сторонниками нового «динамичного» курса в отношении СССР и стран народной демократии. Официально принятая затем президентом Эйзенхауэром при актив-

ной поддержке государственного секретаря Д. Ф. Даллеса «политика освобождения» явилась логическим продолжением «политики сдерживания», но отличалась от нее более агрессивным характером. Суть ее заключалась в планах восстановления капиталистического строя в социалистических странах Европы и Азии с помощью организации в этих государствах при поддержке США контрреволюционных переворотов.

По сравнению с трумэнновским вариантом политики «с позиции силы» даллесовско-эйзенхауэровский вариант отличается еще большим разрывом между доктриной и действительностью. Все это привело к тому, что американская политика, основанная на антикоммунизме, приобрела закостенелый, догматический характер. Военно-стратегические доктрины и концепции этого периода, такие, как «балансирование на грани войны» и «массированное возмездие», построенные на угрозе применения Соединенными Штатами термоядерного оружия против социалистических государств, не учитывали реального положения вещей в мире, а их практическое применение означало бы серьезную опасность для жизни народов не только других стран, но и самих США. Эта политика не дала и не могла дать желаемых результатов. Она оказалась лишенной фундамента вследствие непрестанно происходящего изменения соотношения сил в пользу мира, демократии и социализма.

Серьезные неудачи потерпели и попытки США воспрепятствовать национально-освободительному движению народов Азии, Африки и Латинской Америки. Соединенные Штаты в конце 50-х годов понесли серьезное поражение в своих попытках агрессии против Сирии и Ирака, в осуществлении пресловутой «доктрины Даллеса — Эйзенхауэра». Победа кубинского народа в 1959 году означала серьезное поражение политики США в Западном полушарии, а разгром высадки контрреволюционеров на Плайя Хирон в 1961 году свидетельствовал о полном провале агрессивного курса Соединенных Штатов против Республики Куба.

Роль международного жандарма, которую правящие круги США самовольно себе присвоили, восстановила против них народы Азии, Африки и Латинской Америки. В Азии только марионетки на Тайване, в Южной Корее и Южном Вьетнаме безоговорочно поддерживают политику Вашингтона. В Африке лишь Чомбе готов следовать за ним. Неприязнь и враждебность к США стали столь широки и повсеместны, что видный американский обозреватель Уолтер Липпман заговорил о «глобальном антиамериканизме». В одной из своих статей он прямо призвал руководителей внешней политики США «перестать биться головой о стену, воображая, что нам поручена роль какого-то жандарма рода человеческого».

Таким образом, в основе серьезных провалов США во

внешней политике лежит несоответствие агрессивного внешне-политического курса страны объективному развитию международных событий и реальному соотношению сил в мире. «Пока наши проблемы достаточно близки к реальной действительности, мы можем разумно и целесообразно решать наши проблемы, — отмечает сенатор Дж. Фулбрайт. — Но когда наши представления не успевают за событиями, когда мы не хотим верить во что-то, потому что это не нравится нам или пугает нас или просто слишком незнакомо нам, тогда разрыв между действительностью и представлениями становится пропастью и действия становятся неуместными, неразумными».

Коренные перемены в мире, приведшие к изменению соотношения сил в пользу социализма, обострение противоречий внутри империалистической системы, изменение самого характера войны вследствие появления ракетно-ядерного оружия поставили правящие круги США перед необходимостью внесения некоторых коррективов в свой внешнеполитический курс. Среди определенной части правящих кругов США распространилась идея о необходимости проведения более гибкого курса в международных делах. Сторонники этой идеи считали целесообразным проявлять большую осмотрительность, готовность к известным уступкам и компромиссам, более тонкое использование экономических, политических и идеологических рычагов внешней политики. В отношении социалистических стран они предлагали принять вызов на мирное сосуществование государств с различным строем, рассчитывая перенести борьбу на экономический, политический и идеологический плацдармы с тем, чтобы добиться «внутренней эволюции» социалистических стран в сторону капитализма, расколоть социалистическое содружество путем дифференцированного подхода к каждой стране. В отношении молодых развивающихся государств сторонники пересмотра внешнеполитического курса США высказывались за обеспечение там американских интересов не только путем крайнего террора, но и методами неокOLONиализма (опутывание посредством «помощи» сетями экономической зависимости, опора на менее скомпрометированные слои местного господствующего класса и т. п.).

Первая попытка использовать более гибкие методы для осуществления внешнеполитических интересов господствующего класса была предпринята президентом Д. Ф. Кеннеди. Стремление к сохранению статус-кво в мире дополнялось в его политике поисками путей для некоторого ослабления международной напряженности. Наряду с программами, направленными на сохранение позиций США в быстро меняющемся мире (создание «абсолютного военного превосходства» США, организация «атлантического сообщества» и пресловутого «Союза ради прогресса»), Д. Кеннеди предпринял ряд важных международных акций (подписание договора о запреще-

нии испытаний ядерного оружия в трех средах, достижение договоренности между СССР и США о невыводе на орбиту объектов с ядерным оружием, принятие предложенной Советским правительством политики взаимного примера и т. д.).

Внешнеполитические действия правительства Кеннеди встретили яростное сопротивление со стороны внутренней реакции. Уже в ходе обсуждения Московского договора в американском сенате стало очевидно, что в США существует влиятельная группа противников каких-либо изменений во внешней политике. Эта группа открыто выступила за продолжение «холодной войны», гонки вооружений и использование военной силы, включая ядерную. Прямым следствием обострения внутривластной обстановки в США и борьбы вокруг внешнеполитического курса явилось убийство в ноябре 1963 года президента Дж. Кеннеди и консолидация всех правых сил в стране вокруг сенатора Б. Голдуотера, претендовавшего на пост президента от республиканской партии во время президентских выборов 1964 года.

Наиболее агрессивные круги правящей верхушки — «стервятники» или «бешеные», как их называют в США, — ратуют за проведение с «позиции силы» обанкротившегося внешнеполитического курса страны. Заинтересованные в гонке вооружений, разжигании страстей «холодной войны», поборники авантюристической политики ориентируют правительство США на применение в международных отношениях самых крайних форм насилия, включая искусственное создание международных кризисов и конфликтов, войну с использованием ракетно-ядерного оружия, кровавые расправы над угнетенными народами, поднявшимися за свое освобождение. «Твердолобыми поклонниками политики «большой дубинки» назвал «стервятников» бывший посол США в Индии Гэлбрайт, а американский обозреватель У. Липпман охарактеризовал их как «партию войны».

«Стервятники» свили себе гнезда не только в Пентагоне и ЦРУ, главных оплотах и проводниках интересов реакции, но и в других подразделениях внешнеполитического аппарата США. К их числу американская печать относит бывшего специального помощника президента по делам национальной безопасности М. Банди, его брата, помощника государственного секретаря по делам Дальнего Востока У. Банди, бывшего государственного секретаря в администрации Трумэна Д. Ачесона, часто привлекаемого Вашингтоном в качестве консультанта при выработке внешней политики. Имеются свои «стервятники» и в конгрессе — это люди, подобные лидеру республиканской фракции сената Э. Дирксену, ярому расисту и антикоммунисту С. Термонду, который во время выборов 1964 года вышел из демократической партии, чтобы поддержать канди-

датуру Б. Голдуотера, бывшему агенту ФБР сенатору-демократу Т. Додду.

Несмотря на волю большинства избирателей, отвергнувших ультраправую реакцию во главе с Б. Голдуотером, «партия войны» упрочила свои позиции в государственном аппарате США и оказывает значительное воздействие на формирование общественного мнения и на политику страны.

Нынешняя администрация Джонсона во внешней политике фактически проводит курс побитого на выборах Б. Голдуотера. Во многих внешнеполитических акциях США, направленных, в частности, против народов Индокитая, Конго, Доминиканской Республики и Кубы, чувствуется рука агрессивно-авантюристического крыла правящей партии, рука «бешеных» и «стервятников».

Президент Л. Джонсон не скрывает притязаний США на мировое господство. В своем выступлении перед участниками конференции ассоциации директоров школ в Вашингтоне 14 мая 1965 года он прямо заявил, что цель Америки — это одновременно «цель всего мира». «Мы хотели бы, — сказал Джонсон, — чтобы то, что мы делаем в США, делалось повсюду в мире». Президент дал понять, что США намерены использовать свою военную мощь, чтобы навязать «американские идеалы» другим народам. «У нас есть сила, и мы намерены использовать ее», — разъяснил он. Наша конечная цель, заявляет один из ближайших доверенных лиц Л. Джонсона Д. Ачесон, «сохранить и упрочить условия для существования и процветания свободных обществ». Что касается приемов и методов внешней политики, то к ним, по словам Ачесона, следует подходить с точки зрения интересов обеспечения этой цели. «Во внешней политике только цель может оправдать средства», — с циничной прямоотой повторяет Ачесон иезуитский принцип маккиавелизма.

В своих стратегических планах агрессивные круги США исходят из доктрины «эскалации», предусматривающей постепенное восхождение по ступеням лестницы к «ядерному спазму» — всеобщей ядерной войне. Помощник государственного секретаря США по делам международных организаций Х. Кливленд предложил узаконить жандармскую роль США посредством разработки специальной «этики интервентов». Свое окончательное закрепление жандармская роль США нашла в «доктрине Джонсона», предполагающей автоматическое вмешательство США во внутренние дела любой латиноамериканской страны под предлогом коммунистической угрозы. Насильственные приемы и методы во внешней политике США фактически вытеснили из дипломатической практики страны метод переговоров — наиболее разумный и действенный метод в современных международных отношениях.

Проведение администрацией Л. Джонсона агрессивного

курса в международных делах лишает правительство той социальной базы внутри страны, которая обеспечила победу Джонсону на выборах. В стране происходит дальнейшее размежевание сил. С одной стороны, еще больше активизировались представители наиболее агрессивных и авантюристически настроенных кругов буржуазии. Эти круги, обосновавшиеся в Пентагоне, в ряде министерств и ближайшем окружении президента, стремятся выкарабкаться из тупика за счет дальнейшего расширения агрессии во Вьетнаме.

Вместе с тем другая часть американских политиков, все более широкие слои общественности проявляют серьезную озабоченность по поводу дальнейшего развития событий. Увеличивается число американских конгрессменов и других государственных деятелей, которые выступают против политики правительства. Ряд профсоюзов из числа бывших членов конгресса производственных профсоюзов включаются в борьбу против опасности термоядерной войны, за сохранение и упрочение мира. Даже несколько организаций правящей демократической партии осуждают агрессивный курс Джонсона.

Самое крупное массовое демократическое движение в США 60-х годов — борьба двадцатимиллионного негритянского населения за свои гражданские права — включается в активные ряды борцов за мир. Лидер этого движения доктор Мартин Лютер Кинг заявил в июле 1965 года: «Пришло время, когда движение за гражданские права должно заниматься проблемами войны». Он добавил: «Война во Вьетнаме должна быть прекращена». Как сообщала американская печать, другие лидеры движения за гражданские права разделяют точку зрения М. Л. Кинга.

В США ширится антивоенное движение. Это пока еще не единое, не организованное движение за мир, как во многих других странах. В нем принимают участие самые различные организации, включающие женщин, студентов и другую молодежь, религиозные группы, деятелей культуры, членов различных политических объединений. В первых рядах активных борцов за мир выступают такие движения, как «Женщины, боритесь за мир», «Студенты, выступающие за демократическое общество», квакерские и другие религиозные организации, организации национальных меньшинств и т. д.

Наиболее активно выступает в пользу мира студенческая молодежь. Она проявляет большее единство и последовательность в отстаивании своих взглядов относительно решения сложных международных вопросов мирным путем. Сотни студентов посвящают свои каникулы антивоенной деятельности. Американская молодежь отказывается от военной службы, в результате чего число добровольцев в армию резко сокращается.

Показателем возрастающей активности движения за мир

в США являются массовые марши в Вашингтоне и многих других городах. Многочасовые дневные и ночные митинги, в которых участвовало в последнее время по меньшей мере 500 тысяч американцев, видят и слышат по телевидению и радио миллионы простых американцев.

Рост движения за мир в США является красноречивым свидетельством того, что американский народ, как и все другие народы, желает мира, а не войны. И правящие круги страны не могут не считаться с этим. Отсюда многочисленные и вымученные разъяснения президента Джонсона относительно американской политики во Вьетнаме, участвовавшие посылки высокопоставленных государственных чиновников на дискуссии в американские университеты для отстаивания правительственной точки зрения.

Дальнейшее продолжение правящими кругами США агрессивного внешнеполитического курса приводит к резкому падению международного авторитета и престижа правительства страны.

Нажим со стороны Соединенных Штатов на ряд государств с целью активной поддержки их интервенции в Южном Вьетнаме вызвал резкое осуждение Франции и Пакистана. Согласие послать солдат во Вьетнам дали лишь правительства Филиппин, Австралии, Новой Зеландии, чанкайшистская клика и южнокорейские марионетки.

Общественность Японии настолько решительно выступила против американской агрессии в Юго-Восточной Азии, что премьер-министр Сато был вынужден призвать США к мирному урегулированию положения во Вьетнаме.

В НАТО обсуждение вопросов, связанных с агрессивными действиями США, привело к еще большему углублению кризиса этого блока. Не говоря о Франции, выступающей в качестве главной движущей силы антиамериканской политики в Европе, Азии и остальных районах мира, другие члены этого блока — Норвегия, Дания, Голландия, Бельгия и Италия высказали сомнения в целесообразности вмешательства Североатлантического Союза в индокитайские дела. Из числа членов НАТО с наибольшей определенностью о поддержке американской агрессии заявила лишь Англия.

Не удалось привлечь к участию в интервенции в Южном Вьетнаме и государства Латинской Америки. Ни одна из латиноамериканских стран, несмотря на угрозы и намеки Вашингтона, не послала в Индокитай даже «символических подразделений», а правительства Чили, Венесуэлы и Перу выступили с публичными заявлениями об отказе от участия в войне во Вьетнаме.

Резко отрицательное отношение к агрессивным действиям американского империализма проявляют афро-азиатские государства. Так, американская война в Юго-Восточной Азии

осуждена парламентом Индонезии. За восстановление мира высказываются премьер-министр Индии Шастри и председатель Революционного Совета Бирмы генерал Не Вин. С призывами урегулировать конфликт в Юго-Восточной Азии выступают также руководители Афганистана, Алжира, Цейлона, Эфиопии, Ганы, Гвинеи, Ирака, Кении, Непала, Сирии, Туниса, ОАР, Уганды, Замбии и другие.

Советский Союз является главной экономической, политической и военной силой, стоящей на пути осуществления далеко идущих военно-политических планов американского империализма. Там, где США угрожают всеобщему миру, свободе и независимости народов, Советский Союз выступает против этой политики как главный страж и гарант свободы и независимости народов. Вместе с тем, следуя ленинским указаниям об отношениях с капиталистическими странами, Советский Союз предлагает Соединенным Штатам решать спорные вопросы мирным путем, имея в виду при этом, что нельзя в одной части мира выступать с лицемерными миролюбивыми заявлениями, а в других районах земного шара создавать опасные очаги локальных войн, грозящих перерасти в новую мировую войну.

Совершенно очевидно, что новое издание политики с «позиции силы» не может вывести американскую дипломатию из долины призраков, из плена созданных ею же самой схем и построений. Выход из того тупика, в котором оказался весь внешнеполитический курс США в целом, — решительное отмежевание от авантюристической политики с «позиции силы» и переход на путь мирного сосуществования государств с различным общественным и социальным строем, на путь признания неотъемлемого права всех народов на нерушимый национальный суверенитет и независимость. Этот путь — единственно верный и плодотворный в современных условиях.

9 коп.

Индекс
70070